

63.3 (5A8)

A62

ГЕОРГИЙ АМИЧБА

**КУЛЬТУРА И
ИДЕОЛОГИЯ
РАННЕ-
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АБХАЗИИ
(V-X вв.)**

ГЕОРГИЙ АМИЧБА

КУЛЬТУРА И
ИДЕОЛОГИЯ
РАННЕ-
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АБХАЗИИ
(V-X вв.)

Редактор В. Л. Бигуаа

*Для библиотеки
Абхазского института
от автора*

25/V 2000 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
СУХУМ — 1999

БИБЛИОТЕКА
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА

В работе изучаются вопросы истории раннего христианства, письменной культуры и антропонимии раннефеодальной Абхазии.

Исследование рассчитано, в первую очередь, на студентов исторического факультета Абазского государственного университета, а также на широкий круг читателей.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Историей христианства в Абхазии ученые интересуются давно. Опубликовано много работ, посвященных различным его аспектам. Однако до сих пор имеется ряд спорных и малоизученных вопросов в нашей историографии.

В данной работе, опирающейся на сообщения письменных источников, археологический и этнографический материал, сделана попытка еще раз проследить исторические корни православного христианства в Абхазии: процесс распространения, конкретное время официального принятия, степень его воздействия на этнокультурную, экономическую и политическую жизнь предков абхазов, его нравственное и духовное влияние на местное общество в пределах поздней античности и раннего средневековья.

Наряду с этим в исследовании, исходя из эпиграфических памятников раннесредневековой Абхазии, подавляющее большинство которых по своему содержанию и предназначению являются духовно-христианскими, рассмотрены вопросы письменной культуры, языка абхазской церкви, образования, образованности отдельных представителей раннефеодального абхазского общества.

Рассмотренные нами некоторые материалы по исторической антропонимии абхазов дают основание утверждать, что в древней и средневековой Абхазии языковая активность нашего народа проявилась и в области имятворчества, где сложились определенные нормы и культурные традиции. Абхазская антропонимическая система показывает самобытность местной традиции и степень интенсивности влияния той или иной иностранной культуры в этой области.

АВТОР.

ГЛАВА I

К ИСТОРИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА В АБХАЗИИ.

Исторические условия возникновения христианства и его эволюция — это путь от ранних общин к государственной церкви Римской империи. Принято считать, что христианство явилось продуктом разложения древнего рабовладельческого общества и крушения античной демократии. Формировавшаяся новая идеология вобрала в себя предшествовавшие ей различные культы и религиозные учения, или их элементы, а божество восполнилось в личности Христа, идеал которого стал олицетворением всемогущего, прекрасного, мудрого, заботливого, мужественного, совершенного идеала Спасителя. Христианская вера крепла по принятии святого Крещения.

Христианство изменило лицо множества стран и народов средневекового мира. С его распространением связывалось освящение браков, открытие церковных школ, отмена рабства. Оно глубоко проникло в систему моральных стандартов, национальных и нравственных ценностей, в искусство, литературу, оставило глубокий след во всех областях творческой и практической деятельности человека, его мысли. Массовые движения в средневековье проходили под оболочкой христианской религии, ибо она, при своем зарождении, являлась «...идеологией угнетенных масс Римской империи и эти черты протеста против существующего строя... не могли быть до конца вытравлены из Нового Завета, даже веками господства феодальной христианской церкви»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22. С. 468.

Христианство, как и другие мировые религии, стремилось к установлению во всем мире признания одного (своего) Бога и одного языка. Его идеологам, естественно, не удалось достичь всемирного господства своей религии и ее языка, но христианство стало идеологией огромного региона Запада и значительной части Востока, а греческий язык — языком культуры, идеологии, науки и межнационального общения в христианском мире. Патриарх Константинопольский придерживался того, что христианская церковь по природе своей едина, свята, не ограничивается народностями и государственными границами. Дело порой доходило до того, что в православной христианской теологии имело место отождествление религии и национальности².

Процесс христианизации целых регионов Запада и Востока, в том числе, населенных пунктов восточного побережья Черного моря, вполне соответствовал общему положению вещей в пределах римской ойкумены. Христианство стало новой формой ромейства³.

Восточное Причерноморье с давних времен представляло собой регион тесных контактов различных культурных традиций. Оно входило в греко-византийский религиозно-культурный и языковой регион. Северная часть данного региона, Абхазия в частности, в обширной средиземноморской зоне составляла крайнюю восточную ее область. В первых веках н. э. здесь имеются раннеклассовые этнополитические государственные образования апсиллов, абазгов, санигов и др., находящиеся под политическим и культурным воздействием сначала Римской, а затем Восточноримской (Византийской) империи. Это обстоятельство объективно способствовало раннему приобщению предков абхазов к христианству.

Общины абхазских народностей того периода представляли собой раннеклассовую социальную среду с безраздельным господством в ней устойчивых язычес-

² Аналогичное явление часто имело место и в мусульманской религии: «Все персы — магометане», или «Все мусульмане — татары».

³ См.: Хрушкова Л. Г. Новая октогональная церковь... С. 219.

ких представлений широких масс⁴, которая постепенно начинает соприкасаться с христианством. Из-за отсутствия развитых античных полисов и полисных традиций, здесь почти не было ярко представлено полисной идеологии, если не иметь в виду греческих колонистов в торговых центрах. Идеология крупных населенных пунктов и полисов — те же языческие культы, спланивавшие город и деревню. В этих условиях христианство, вероятно, не так легко преодолевало языческую идеологию в городе и населенных пунктах.

По всей вероятности, в Колхиде, на Абхазском побережье Черного моря, распространение христианства имело место уже в середине поздней античности, т. е. еще до объявления его официальной государственной религией в Римской империи⁵. Следует думать, что христианство и в условиях Колхиды, с самого начала его распространения, представляло собой идеологию средних слоев ремесленников и торговцев в городах и крупных населенных пунктах.

Вероятно, новая идеология сюда проникла через посредство греческих колонистов, проживавших в прибрежных центрах экономики и культуры⁶.

⁴ О дохристианских верованиях предков абхазов имеется значительный археологический и этнографический материал. Об этом частично свидетельствуют терракотовая статуэтка из Сухума, фигурка быка из Цебельды, языческая религиозная символика в отдельных элементах орнамента керамических изделий, где спиральные мотивы или кружки из точек отражали культ луны. (Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей... С. 102 — 105).

⁵ Известно, что в довольно сложных политических и идеологических условиях противостояния в римском обществе император Константин в 315 году н. э. объявил христианство общегосударственной религией. В последующие времена соборное самосознание церкви Христовой на вселенских соборах неоднократно подтверждало, что вне православия нет истины.

⁶ Об источниках, времени и местах первоначального распространения христианства в Абхазии существуют различные мнения. А. Гарнак, М. Ростовцев и др. проповедниками новой идеологии считают тех христиан, которые со времен принципата Веспасиана Флавия входили в ряды строительных легионов Понтийского оборони-

Для изучения истории раннего христианства на Кавказе, в Абхазии, в частности, определенное значение приобретают церковные предания и принятая традиция о странствовании апостолов Христа и их проповедовании. В священном писании относительно апостолов сказано: «Когда же настал день, призвал (Иисус) учеников своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами: Симона, которого назвал и Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филипа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозванного Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искаротта... Созвав же двенадцать, дал им силу и власть над всеми бесами, и врачевать от болезней. И послал их проповедовать Царствие Божие и исцелять больных... Они пошли и проходили по селениям, благовествуя и исцеляя повсюду»⁷.

В бытовавших прежде церковных преданиях и в составленных позднее сочинениях обращение в христианство ряда народов Кавказа, в том числе абхазов, традиционно приписывается двум апостолам Христа — Андрею Первозванному и Симону Кананиту⁸. В визан-

тельного лимеса. (Аджинджал Е. К. К истории абхазской автокефальной церкви. С. 8). Некоторые авторы склонны связывать первоначальное христианство в Закавказье с расселением общины евреев-христиан на Кавказе. (Услар П. К. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе... С. 6).

Акад. Н. Я. Марр в одно время считал, что в начале IV в. (303 г.) абхазов, наряду с некоторыми другими народами, просвещал армянский просвятитель св. Григорий. (Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов... С. 134 — 135).

Согласно одной версии церковного предания, на Северном и Восточном Причерноморье христианское учение проповедовали пять апостолов Христа: Андрей, Матфей, Варфоломей, Иуда, и Фаддей. (Архимандрит Макарий. История христианства в России... С. 116).

⁷ Иисус. Его история по Евангелию от Луки... С. 23 — 41.

⁸ Согласно одной версии церковных хронистов, св. Андрей с проповідью прошел с южного Причерноморья в Вифинию и Понт, и дошел до Абхазии, где находится город Себастопольс. (Архимандрит Макарий. История христианства в России... С. 12 — 13).

тийскую эпоху было сочинено множество церковных книг о странствиях апостолов, в том числе: «Сообщения Евсевия Кесарийского», «Церковная история» Феодорита Кюрского, «Хронография», описанная в Антиохии, «Церковная история» Эвагра, «Путешествия апостолов» анонимного автора, сведения Епифана Константинопольского, сохранившиеся у Епифана Кипрского, и др. Создавались версии по сюжетам этих работ (Никифор Ксантопулос — XIII — XIV вв.); они переводились на другие языки, дополняя подробностями и новыми приключениями из жизни апостолов. В грузинской церковной литературе об апостольской деятельности, в основе которой лежат сообщения византийских авторов, особо подчеркнуто пребывание Андрея Первозванного и Симона Кананита в Абхазии и Эгриси (Лазике). Так, Леонти Мровели, Георгий Иеромонах (Хуцесмоназони) и другие писатели XI в. считают, что ученики Христа по Колхиде и Восточному Причерноморью путешествовали в I в. н. э.; утверждают, что Симон Кананит скончался в Абхазии и был погребен в Никопсии⁹. Абхазское предание также гласит, что Симон Кананит жил в пещере, расположенной по ущелью р. Псырцха (Новый Афон), который скончался там и был погребен на том месте, где позже была выстроена церковь его имени¹⁰.

Приведенные церковные предания и народная теологическая традиция для нас представляют интерес в том отношении, что косвенно указывают на раннее распространение здесь христианства.

Кроме того, христианская агитация, кем бы она ни проводилась, и в условиях Абхазии должна была сыграть существенную роль в распространении нового вероучения¹¹. Первоначальные примитивные местные хри-

⁹ См.: Мровели Леонтий. Повесть о царях. С. 38; Иеромонах Георгий. Житие Георгия Атонели. С. 153 — 154.

¹⁰ Орынский А., Фадеев А. Путеводитель по Абхазии. С. 60 — 61.

¹¹ Некоторые исследователи (М. М. Гунба, Е. К. Аджинджал и др.) действительными распространителями христианства среди абхазов считают Андрея Первозванного и Симона Кананита. (Гунба М. М. Абхазия в I тыс. н. э. С. 81).

стианские общины признавали, вероятно, и авторитет проповедников новой идеологии. Церковные предания и сообщения письменных памятников, информируя о широкой проповедческой деятельности, в той или иной степени подразумевают и степень восприятия положительной, увещательной проповеди.

Раннее христианство в Абхазии проникало также из Малой Азии и сирийских городов: Эдес, Селевкия, Антиохия. Совершенно неслучайно, что Иоанн Златоуст и св. Орентий по происхождению или своей деятельностью связаны с Сирией. Установлено и то, что сюда проникали, наряду с малоазийскими архитектурными формами, сиро-палестинские строительные традиции, которые сыграли решающую роль в сфере богослужебной практики и литургического устройства церковного интерьера¹².

В позднюю античность Абхазия являлась местом ссылки ряда ревностных защитников христианства.

При римском императоре Диоклетиане (284 — 305) Орентий и шестеро его сподвижников, которые выступали против жертвоприношения языческим богам, были сосланы в Абасгию и погибли в пути, не достигнув Птиунта. Близ Сухума приняли мученическую смерть епископ Команский св. Василиск и с ним четверо его товарищей.

В письменных источниках засвидетельствовано, что известный богослов и обличитель пороков духовенства Иоанн Златоуст после церковной тяжбы в Антиохии был изгнан из кафедры в 407 г. и сослан в Птиунт на заточение.

Названные и другие неизвестные нам ссыльники, вероятно, способствовали также укреплению позиции местных христианских общин.

Для христианской проповеди необходима была твердая церковная опора, соборность.

С распространением христианства у нас начинается строительство культовых сооружений¹³. На территории

¹² Хрушкова Л. Г. Новая октогональная церковь... С. 233.

¹³ Христианская церковь считается одной из наибольших организаций, когда-либо существовавших в истории. Традиция гласит, что

Абхазии обнаружено значительное количество памятников истинно христианской жизни и обрядности — православия, первые из которых относятся к рубежу античности и средневековья. Первоначально их сооружали из деревянного материала, который почти не сохранился. Сравнительно рано приступили здесь к сооружению каменных церквей. Основным очагом по распространению у нас христианской идеологии и культуры становится Питиунт (Пицунда). Очень важно отметить, что здесь к концу III в. имелась раннехристианская церковь¹⁴. В первой четверти IV в. в Пицунде уже существовала мощная христианская организация со своей епископской кафедрой. О масштабах и влиянии этой организации свидетельствует участие ее руководителя в первом Вселенском соборе. Как известно, в 325 году впервые официально, по инициативе римского правительства в г. Никее был созван Вселенский собор глав ведущих трехсот восемнадцати христианских организаций того времени. Первый такой представительный форум ведущих очагов новой религии, объявленной государственной лишь в 315 году, созвали с целью подтвердить христианство в качестве официальной религии во всей империи. Кроме того, Никейский собор принял церковный календарь, символы веры, уточнил систему церковной служебной иерархии. Епископы Рима, Александрии и Антиохии на соборе были объявлены патриархами, к тому же патриархи Рима и Александрии отныне носили почетное звание папы. Во главе клира провинций ставились архиепископы, а клир в городах возглавляли епископы¹⁵.

Сохранились списки участников Никейского первого собора, относящиеся к различным столетиям. Они составлены по епархиям и епископским кафедрам, имеются на шести языках: латинском, греческом, коптском,

церковь образовалась после известия о воскресении Иисуса из Назарета, когда его ученики стали свидетельствовать о своем вознесшемся учителе.

¹⁴ Лордкипанидзе Г. А., Кигурадзе Н. Ш., Тодуа Т. Т. Раннехристианская стела из Пицунды. С. 63-67.

¹⁵ Аджинджал Е. К. К вопросу проникновения христианства в Абхазию. С. 156.

сирийском, арабском и армянском¹⁶. Во всех шести списках наличествуют, наряду с другими, имена представителей трех епископских кафедр: Неокесарии, Трапезунта и Питиунта, которые входили в епархии Понта Полемона.

Для нас особый интерес представляет участие в работе Никейского церковного собора главы Питиунтской епископской кафедры — Стратофила¹⁷. Этот факт свидетельствует о том, что в Пицунде уже с рубежа III—IV веков существовала достаточно мощная христианская организация. Официально она была, по всей вероятности, христианским очагом греческих колонистов Римской империи, но не могла быть изолированной от окружавшего ее абазгского населения. Первоначальное христианство, как известно, стремилось к установлению связей с народными массами; в этих целях оно допускало к себе многие языческие традиции и обряды. Если исходить из этой природы экуменизма новой религии, то можно допустить, что раннехристианские римско-византийские очаги, в том числе, пицундский, приближали к себе не только собственно римско-греческие широкие слои, но и местное население. Действительно, христианство в Пицунде не ограничивалось замкнутой средой гарнизона или маленькой группой греческих колонистов. Оно должно было получить достаточное распространение среди местного населения города и тяготеющей к нему округи. В противном случае не была бы учреждена здесь епархия¹⁸. В рассматриваемую эпоху, разумеется, речь должна идти лишь о распространении христианской идеологии среди абхазских племен, а не о спло-

¹⁶ См.: Георгика, I. С. 01.

¹⁷ В эктезисах Никейского собора его имя в сочетании с названием Пицунды встречается в следующих формах: Стратофил Питиунтский, Стратофил Пвитионский, Стратуфилус д-Питиунта, Стратофил Битулунский, Стратофила из Битионоса, Стратолиос в Питеусе. (См.: Георгика, I. С. 1 — 10).

¹⁸ См.: Мацулевич Л. А. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. С. 146 — 147; Георгика I, с. 01 — 03; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. С. 226 — 227; Гунба М. М. Абхазия в I тыс... С. 83.

шной христианизации основной массы населения. Определенная часть местного населения, несомненно, уже тогда приобщалась к христианству¹⁹.

Сооружение ряда культовых объектов в конце позднеантичной эпохи прямо было зависимо от масштабов распространения христианства. К тому же видно, что процесс этот являлся общим и синхронным для всего Колхидского региона, где обнаружены развалины около двадцати пяти раннехристианских построек. На протяжении IV — V вв. христианство постепенно продолжает распространение среди лазов, апсиров, абазгов, санигов и др. Церкви, относящиеся к IV в., выявлены как в Питиунте²⁰, так и в Археополисе (Нокалакеви)²¹. К раннехристианским памятникам Абхазии относятся: большая базилика IV — V вв. в сел. Алахадзы (рядом с Пицундой), стеклянные сосуды евхаристического назначения из Пицунды с палеохристианскими символами (Христос в образе доброго пастыря, опирающийся на посох рядом с агнцем и др.), датируемые IV в. н. э.²².

Еще в начале V в. в Себастополисе (Сухуме) была выстроена октогональная церковь для местной христианской общины. Предполагают, что расположение церкви внутри городских стен, довольно крупные ее размеры и сложный план, включавший мартирий для отправления культа местного святого, — все это говорит о наличии здесь кафедрального комплекса данной епархии²³.

¹⁹ Противоположного взгляда придерживается акад. К. С. Кекелидзе (См.: У истоков христианства Иберии. С. 16 — 20).

²⁰ Остатки храма IV в. с мозаичным полом, считающегося резиденцией Стратофила (Р. Рамишвили), были обнаружены в 1958 г. в Пицунде. Кроме того, еще с III в. в Пицунде имелся христианский храм. (Апакидзе А. М. Полевые исследования Пицундской археологической экспедиции 1973 г. С. 78).

²¹ Хрушкова Л. Г. Новая октогональная церковь... С. 201.

²² Аджинджал Е. К. К вопросу проникновения христианства в Абхазию. С. 161.

²³ См.: Хрушкова Л. Г. Новая октогональная церковь... С. 234 — 235.

К числу наиболее ранних христианских памятников относится также древняя базилика, развалины которой были обнаружены в более позднем храме зального типа (X — XI вв.) в пределах второй оборонительной черты Анакопийской крепости²⁴. В связи со значением этой местности следует отметить, что по мнению некоторых исследователей, в работе Халкидонского церковного собора 451 года участвовал анакопийский епископ Керконий.

Материалы дают основание говорить о том, что в последние столетия позднеантичной эпохи христианство проникает и во внутренние места Абхазии, в том числе и в горные общины. Так, на определенной части инвентаря Цебельдинских некрополей означенного периода изображены прямоугольные раннехристианские крестики²⁵. Кроме того, на некоторых здешних керамических сосудах имеются расположенные в виде креста кружочки под прямым углом в раннехристианском стиле. Стеклянные кубики имеют орнамент, на котором изображены также раннехристианские крестики²⁶. Кроме того, в одном цебельдинском могильнике был найден железный перстень с впаянной серебряной печаткой, на которой вычеканено изображение христианского креста²⁷, относящегося, по-видимому, к V веку.

Один из браслетов из Цебельды, относящихся к IV — V вв., был украшен камнем с греческой монограммой: CXI²⁸.

О времени и степени распространения христианства среди части цебельдинских апсиров приблизительно говорит также греческая надпись на одном медальоне: «Единый бог, помогающий, приносящим». Она имеет

²⁴ Башкиров А. С. Археологические разыскания в Абхазии... С. 55.

²⁵ Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей... С. 272.

²⁶ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. С. 228.

²⁷ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Аpsилии... С. 65.

²⁸ Там же. С. 64.

ближайшие аналоги в христианских памятниках Сирии, относящихся к IV — V вв. Считают, что к этим же столетиям относится и цебельдинский медальон²⁹. Большой интерес представляет также золотой нашейный крестик из Цебельды³⁰, датируемый пределами конца поздней античности.

Погребальный обряд некоторых могильников Абхазии, относящихся к концу поздней античности, свидетельствует о наличии в верованиях местного населения языческого и христианского синкретизма. Так, в четырех погребениях второй оборонительной линии Анакопийской крепости, размещавшихся вне стен нижнего храма и принадлежавших, вероятно, представителям местного абазгского населения, захоронения совершены по христианскому обряду с элементами язычества. Покойники в них лежали на спине в вытянутом положении с ориентацией головы на запад. Среди находившихся в могилах предметов особый интерес представляют: круглопроволочное колечко, бусины из стекла и пасты, бронзовое зеркало с полировкой на лицевой стороне, железные ножи и др. В отношении верования исключительно выразительна и керамика апсилов, где особое место занимает орнамент. Множество сюжетов, их направленность, изысканность и высокое мастерство исполнения позволяют судить о религиозных воззрениях древних цебельдинцев — культе плодородия, богини матери, различных животных и растений³¹. Интересен также обряд захоронения цебельдинских некрополей, где встречаются два различных типа погребения. В могильных ямах удлиненной четырехугольной формы покойники лежат на спине в вытянутом положении, с ориентацией головы на северо-запад или юго-запад, со сложенными на груди руками. Подобный способ трупоположения является христианским обрядом погребения³², который

²⁹ Трапш М. М. Указ. соч. С. 272.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Указ. соч. С. 54.

³² Трапш М. М. О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда Сухумского района. С. 186 — 187.

в количественном отношении составлял абсолютное большинство. В рассматриваемом цебельдинском могильнике сохранялся и обряд трупосожжения. Прах покойника клали в большие красноглиняные урны, кувшины и пифосы³³.

Установлено, что приведенные два синхронных типа обряда погребения сосуществовали в этнически однородной среде апсилов. Это позволяет говорить о различии в вероисповедовании цебельдинцев, где, судя по погребениям, христиане все же составляли большинство.

Интересно указать на то, что в мотивах пицундской мозаики частично сочетаются христианские и языческие элементы. Как известно, здесь основная религиозная символика и тексты надписей являются христианскими. Однако в мозаике нашли свое место и элементы дохристианских верований коренного абхазского населения. Так, на одном из участков мозаики имеется изображение коровы с теленком, совершенно неизвестное в аналогичных памятниках³⁴. Археологический материал позднеантичной Абхазии, подобный Анакопийскому и Цебельдинскому, находит свое подтверждение и в некоторых сообщениях письменных источников. Вполне понятным становится содержание слов историка VI в. Прокопия Кесарийского, согласно которому христианство распространялось в Абхазии задолго до объявления его здесь официально допущенной религией. Следует вспомнить одно его сообщение: «Апсилы... с давних уже времен христиане, как и все остальные племена, о которых я упоминал в этом рассказе»³⁵.

Сам факт раннего проникновения в Абхазию христианства, а затем его распространения как на побережье, так и во внутренних районах в IV — V вв., «свидетельствует, что в указанный период господствующие классы уже нуждались в новых, более сильных средствах идеологического воздействия на народные массы. Христианство, несомненно, способствовало утверждению фео-

³³ Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 228 — 229.

³⁴ Там же. С. 226.

³⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 380.

дальных отношений, которые в тех исторических условиях играли прогрессивную роль»³⁶.

Распространение греческой грамотности в позднеантичной Абхазии было связано в основном с проникновением и распространением христианства в указанную эпоху.

По мнению Е. К. Аджинджала, устная проповедь нового учения первоначально велась на языке местного населения. Проповедь же официального церковного амвона велась на греческом³⁷.

Кроме того, установлено, что наиболее ранние произведения архитектурной и декоративной пластики были привезены из византийских мастерских. Эта группа памятников, наряду со многими другими археологическими данными (монументальные сооружения, монеты и предметы культа), является свидетельством значительного византийского влияния в крае³⁸, как и во всем христианском мире. Известно, что византийское влияние V — VII веков возвысило искусство даже в Италии, находившееся в упадке в III — IV вв.³⁹.

Археологический материал позднеантичной Абхазии, обнаруженный в Сухуме, Пицунде, Новом Афоне, Цебельде и других местах, свидетельствует, что в то время культура местного населения стояла на довольно высоком уровне, в ней ярко выступает традиционная генетическая связь и преемственность с более древней местной культурой⁴⁰, наблюдается непрерывное продолжение достаточно интенсивной исторической жизни, принимающей постепенно христианский облик, особенно с VI в.

В женском погребении VI в. цебельдинского могильника была найдена свинцовая печать с греческой монограммой, в которой читается слово «ТЭОС», т. е. «Бог»⁴¹. Данное единственное слово говорит, кроме все-

³⁶ Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 228

³⁷ Аджинджал Е. К. Об одном аспекте... С. 184.

³⁸ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 98.

³⁹ Гагарин Г. Г. Родник русского искусства. С. 5.

⁴⁰ См.: Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 208 — 214.

⁴¹ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсолии. С. 65.

го, о том, какого вероисповедания придерживался тот человек, которому доверялась печать, как официальному лицу.

С позднеантичного времени культурно-административным центром западной Абазгии являлся Питиунт, а восточной ее части — Трахея (Анакопия). «Оба этих пункта, — пишет проф. Ш. Д. Инал-ипа, — одновременно являлись и религиозными центрами»⁴². «Особенно Питиунт — важнейший центр и источник византийского влияния на весь прилегающий регион»⁴³.

В VI же веке были достигнуты значительные успехи в распространении христианства, с ним была связана строительная активность не только в прибрежной части Абхазии, но и в горной зоне, на территории Апсолии, приведшая к тому, что местные мастера восприняли и многократно воплощали в камне темы и образы, широко распространенные всюду в христианском мире. Некоторые из них отражают местные языческие представления, они же являют связь с миром восточных образов⁴⁴.

Произведения византийской архитектуры и скульптуры связаны, как известно, с греческой этнической средой и приобщенными к греко-византийской культуре кругами местного абхазского населения. В V — VI вв. в Абхазии уже создавались, наряду с ними, и такие памятники, в виде более скромных сооружений, которые отражали потребности, возможности и вкусы широких слоев населения⁴⁵.

О положении христианства в начальный период раннего средневековья свидетельствуют также устойчивость и повторяемость раннехристианских мотивов в изобразительном репертуаре произведений круглой скульптуры, успешно освоенных местными мастерами. Вместе с тем в них иногда прослеживаются конкретные

⁴² Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. С. 281.

⁴³ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 24

⁴⁴ Хрушкова Л. Г. Там же. С. 98.

С. 98.

⁴⁵ Там же. С. 26.

точки соприкосновения с местными языческими представлениями (изображение быка, солярные знаки и т. п.)⁴⁶.

Подавляющее большинство памятников скульптуры Абхазии VI—VII вв. было связано с культовыми сооружениями.

В Трахее-Анакопии, являвшейся одним из основных центров и ранних очагов христианства на Восточном берегу Черного моря, имелись храмы с VI века; об этом свидетельствуют характер декорации найденных здесь плит, близость их мотивов к раннехристианской символике. На этих плитах, служивших навершиями небольших окон, изображены рыбы, кипарисы, крест, лев в прыжке, по сторонам которого видны две вихревые розетки⁴⁷. Считают, что этот мотив относится к числу древних солярных символов и широко применяется в традиционной резьбе по дереву у ряда народов Кавказа, в том числе абхазов.

Особый интерес представляет плита из той же Анакопии, занятая изображением равноконечного креста с расходящимися от центра концами, с глубокими точками в центре каждой ветви. «Боковые рукава креста соединены с полуфигурами быка и льва. Под боковыми рукавами креста видны остатки букв традиционной надписи: НС ХСІКА»⁴⁸.

На территории Апсилии наиболее важными центрами христианства являлись Севастополис (Сухум), Цибилум (Цабал, Цабалта), Зиганеус//Зигана (Гудаа), Дранда и др.

Еще в V или начале VI в. в Зигане были выстроены первые сооружения для отправления христианского культа. А уже в VII в. здесь имеется епископская кафедра, засвидетельствованная в письменных памятниках (см. ниже).

Купольная церковь с крещальней в с. Дранда также относится к VI веку.

На территории древнего Гюэноса (Очамчира) была

выявлена одиошефная церковь с двумя пристройками, датируемая рубежом V—VI вв. Важно отметить, что здесь был обнаружен золотой четырехугольный крестик⁴⁹.

При раскопках Цибилума были обнаружены интересные материалы, говорящие также о состоянии христианства среди апсиров. В частности, здесь были найдены уникальные вещи, клейма и имя служителя культа на керамических предметах. Они свидетельствуют как о степени распространения христианства, так и о политике Византии в области идеологии.

Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба по этому поводу пишут: «Обнаружение на кирпичах и черепице из Цибилума клейм с именем епископа Константина раскрыло нам имя не только первого христианского пастыря апсиров, но и одного из главных вдохновителей строительства крепости. Теперь ясно, что Цибилум с самого начала проектировался как важный христианский центр, о чем говорят, помимо клейм, его ранние храмы. Раскопки в Цибилуме ярко проиллюстрировали выводы специалистов об активной роли византийской церковной дипломатии, внешняя мягкость и гибкость которой зачастую являлась лишь прикрытием ее истинных устремлений к подчинению соседних стран и народов и к распространению не только церковного, но и политического влияния Византии»⁵⁰.

Следует также обратить внимание на то, что в слоях VI в. Цебельдинской крепости найдена молитвенная надпись на кирпиче: «Святой... спаси»⁵¹. Это обращение, традиционное для христианского мира, в данном случае указывает как на масштабы распространения, так и на функциональную роль данной религии. Вместе с тем необходимо иметь в виду и следующее обстоятельство. Несмотря на раннее проникновение христианства, а затем его значительное распространение, масштабы и функции новой религии не следует преувеличивать, по крайней мере до его официального принятия. Имеются

⁴⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 41-42.

⁴⁷ Там же. С. 31.

⁴⁸ Там же. С. 28.

⁴⁹ Хрушкова Л. Г. О религиозных верованиях апсиров. С. 83-85.

⁵⁰ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Указ. соч. С. 72 — 73.

⁵¹ Там же. Рис. 1, 2, 3.

вещественные свидетельства того, что здесь долгое время устойчивыми были некоторые дохристианские погребальные обряды. С другой стороны, следует иметь в виду то, что погребальный обряд представляет собой консервативный элемент материальной культуры, и поэтому, исходя только из наличия инвентаря в погребениях цебельдинских апсидов, с полной уверенностью нельзя говорить, что они были язычниками⁵².

Как уже отмечалось, у отдельных абхазских народностей в первых веках поздней античности еще не было, строго говоря, ярко выраженного классового деления; формы, предшествовавшие феодальному способу производства, являлись смесью доклассовых и слабо развитых раннеклассовых отношений с элементами раннефеодального строя. Местные боги фактически представляли собой бесклассовое общество, являясь пережитками первобытно-патриархального общества. Однако в последние века античности и начале раннего средневековья здесь происходят серьезные сдвиги и изменения во всех сферах общественно-культурной жизни: идет процесс феодализации общества, а христианство постепенно становится идеологией раннефеодальных отношений.

Археологический материал подтверждает, что в означенный период в недрах языческих верований абхазов христианские церковные нормы заняли определенные и весьма заметные позиции. Христианство постепенно, весьма своеобразно, оригинально сплелось с семейно-патронимическими и родовыми обрядами, дохристианскими верованиями и представлениями, культовыми ритуалами, отражающими различные этапы и ступени развития общественного мышления. Абхазы, природно отвергая фундаментализм христианской религии, приспособили ее к своим обычаям и традициям через феномен «апсуара» — основы нравственной культуры абхазов. Как уже отмечалось в нашей историографии⁵³, сосуществование пережитков языческих верований с

христианством являлось отличительной особенностью религиозного мировоззрения абхазов и в последующие времена⁵⁴.

В христианско-языческом синкретизме следует усмотреть отличие в официальной идеологии между классическо-византийским и периферийным христианством. Речь может идти о том, что уже в начале раннего средневековья в Абхазии, как и в ряде стран, связанных с греко-византийским религиозно-культовым миром, такой общественный феномен и идейное явление, как христианство, проходит период превращения во всеобъемлющую форму идеологии, правда, в его периферийно-провинциальном варианте. Уже в VI в., ко времени официального принятия христианства в Абхазии, это вероучение имело ярко выраженный классовый характер, основные идеи которого в той или иной степени соответствовали социальным интересам и умонастроению сословий молодого класса феодалов...⁵⁵.

Вероятно, христианство и в абхазской действительности явилось силой, серьезно влияющей как на культурную, так и на экономическую и политическую жизнь местного общества.

Кроме того, «интегративная деятельность новой монотеистической религии в некоторой степени способствовала объединению абхазских народностей, усилению их связей с Византийской империей, укреплению основ княжества, а затем и Абхазского царства»⁵⁶.

⁵⁴ А. М. Чочуа вообще считал, что в жизни абхазов более важное место, чем христианские и мусульманские каноны, занимали древние языческие верования. Поэтому, многие абхазы не так уж ревностно относились как к христианству, так и к исламу». (Чочуа А. М. Собрание сочинений. III. С. 12). Сказанное больше относится к позднему средневековью, чем к раннефеодальной эпохе.

⁵⁵ С. Н. Джанашиа и З. В. Анчабадзе считают, что социальную картину раннесредневековой Абхазии характеризуют раннефеодальная общественная сословность с одной стороны, различные феодальные (господствующие) группы — с другой, наличие и примитивного рабовладельческого уклада.

⁵⁶ Аджинджал Е. К. Об одном аспекте... С. 186.

⁵² См. также: Хрушкова Л. Г. О религиозных верованиях апсидов... С. 81.

⁵³ См.: Анчабадзе З. В. История и культура... С. 229.

О конкретном времени христианизации предков абхазов существуют различные мнения, однако специалисты сходятся в том, что официальное крещение отдельных этнических групп населения Колхиды происходило в течение первой половины VI века, но не сразу, а в разное время.

Принято считать, что Лазика (Эгриси) официально признала христианство в 523 году⁵⁷. Этот акт связывают с активизацией византийской экспансии на Кавказе, с экономическими и стратегическими соображениями империи⁵⁸. По мнению З. В. Анчабадзе, с означенного времени (523 г.) христианство считается государственной религией также в Аписилии и Мисиминии. Однако с ним не согласны другие исследователи.

Е. К. Аджинджал не разделяет мнение, согласно которому апсилы и мисимиане были крещены раньше абазгов. Сообщения источников по этому поводу он считает недостаточными для подтверждения их христианизации⁵⁹. Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, исходя из археологического материала Цебельды, обращение апсиль в христианство относят ко второй четверти VI века⁶⁰.

Исходя из сообщений Прокопия Кесарийского⁶¹, других данных, следует думать, что в Аписилии христианство общегосударственной религией было признано в начале 20-х годов VI в. Одновременно с этим могло произойти введение христианства в Мисиминии. Кстати, о состоянии христианства среди мисимиан некоторые косвенные указания имеются у Агафия Схоластика.

В своем сочинении «О царствовании Юстиниана» он пишет, что мисимиане и апсильцы являются соседями

⁵⁷ Некоторые исследователи крещение лазов относят даже к IV в., что менее вероятно.

⁵⁸ Каухчишвили С. Г. Лекции по истории Византии. С. 102.

⁵⁹ Аджинджал Е. К. об одном аспекте. С. 180-181.

⁶⁰ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Указ. соч. С. 50.

⁶¹ Этот историк, писавший свое сочинение в первой половине VI в., считает, что апсилы, наряду с лазами, сванами, скимнами (лечхумцами), являются давнишними христианами.

и близкими по образу жизни⁶². В «образе жизни» историк, помимо всего, подразумевает, несомненно, вероисповедание их. В то время апсильцы уже были христианами, следовательно и мисимиан он считает таковыми. Далее, описывая антивизантийское выступление мисимиан в 555 году и их переговоры с византийскими стратегами, Агафий сообщает, что мисимиане «немедленно послали послов к Иоанну и просили не губить их поголовно, не уничтожить совершенно народ, уже с давних времен подчиненный римлянам, одной с ними религии...»⁶³.

Как видим, и здесь историк считает, что мисимиане исповедуют ту же религию, что и византийцы, т. е. христианство.

Вместе с тем не следует совершенно идентифицировать социальное и культурно-религиозное состояние этих соседних абхазских этнических единиц. Видимо, социальные отношения в начале раннего средневековья у мисимиан развивались значительно медленнее, чем в равнинной части Аписилии. В означенную эпоху Мисиминия, хотя и считалась христианской страной, но там преобладали военно-демократические отношения, не было еще реальной базы для развития христианства в полной мере.

Как уже отмечалось, еще в IV-V вв. в Абазгии значительное распространение получает христианство, Питиунт и Трахея являются ее важными центрами.

Однако это еще не означало официальную христианизацию абазгов. Как известно, в годы «большой войны» в Колхиде Византия особое внимание уделяла Абазгии. Правящие круги этой области, высшие слои феодализирующейся знати в сговоре с константинопольским императорским двором широко занимались работоторговлей.

Прокопий Кесарийский свидетельствует, что введение в Абазгии христианства произошло с помощью византийского императора Юстиниана. Он пишет: «При ныне царствующем императоре Юстиниане все отношения у абазгов облеклись в более мягкие формы. Они

⁶² Агафий. О царствовании Юстиниана. С. 117 — 118.

⁶³ Там же.

приняли христианскую веру, и император Юстиниан, по-слав к ним одного из императорских евнухов, родом абасга, Ефрата именем, решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилуя природу... Тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм богородицы и, назначив к ним священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни»⁶⁴.

Грузинский ученый XI в. Ефрем Мцире, опираясь на памятники византийской церковной литературы, дает своеобразную редакцию известного повествования об обращении абхазов: «А про абхазов Евагр Епифан пишет в двадцать второй главе своей «Церковной истории» и говорит так: «В те же времена царствования Юстиниана и абхазы преобразились к лучшему и вняли христианской проповеди. Ибо при дворе Юстиниана был один евнух, родом абхаз, нареченный Ефратом, которого царь послал к ним для проповедования и обещания, что отныне ни один из их соплеменников не будет лишен железом мужской способности, путем насилия над природой, ибо многие из них были слугами в царских покоях, которых обычно называют евнухами. Тот же Юстиниан в Абхазии построил храм святой Богородицы и определил там священников, чтобы публично наставлять их в вере Христовой»⁶⁵.

Вполне очевидно, что в приведенных повествованиях речь идет об объявлении христианства общенародной идеологией. О конкретном времени официального обращения абазгов в христианство источники хранят молчание, в науке имеются разные мнения. Еще в XVII в. иерусалимский патриарх Досифей считал, что абхазы были крещены в 529 г. Эту дату принимает и современный абхазский медиевист и религиовед Е. К. Аджинджал. Он считает, что абхазы были обращены в христианство святыми апостолами в первые века н. э. Затем (до VI в.) они стали чуждаться его, как религии чужеземцев и колонизаторов. А в VI в., именно в 529 г., как

бы вновь принимают христианство, на этот раз официально⁶⁶.

Грузинский церковный деятель XIX в. М. П. Сабинин абхазов считал древними христианами, принявшими эту религию еще в первые века н. э.⁶⁷

Проф. З. В. Анчабадзе считал, что христианство в качестве общенародной религии в Абазгии было принято не позднее 40-х годов VI в. К сожалению, он не конкретизировал указанное время.

М. М. Гунба думает, что еще в IV в. н. э. в Абхазии христианство официально было признано религией господствующего класса, а временем его объявления общенародной идеологией он считает первую половину VI в.⁶⁸ К тому же историк полагает, что этот акт произошел одновременно в Абазгии, Аписилии и Санигии. Однако подобное предположение не имеет источниковедческого подкрепления.

Для определения приблизительной даты официальной христианизации абазгов необходимо исходить из политической обстановки того времени на Ближнем Востоке. В международных отношениях первой половины VI в. основным событием следует считать ирано-византийское соперничество, составной частью и результатом которого явилась длительная между ними война на территории Колхиды. В то время, когда Лазика свой политический выбор определяла в пользу Ирана, Византии необходимо было занять в Абазгии более прочные позиции, в чем христианство играло не последнюю роль.

Византисты (Д. Оболенский и др.) отмечают, что имперская дипломатия в то время преследовала цели, заключавшиеся в охране границ государства, в подавлении и дальнейшем исключении набегов соседей—«варваров», в предельном расширении и стабильном сохранении областей своей политической гегемонии, в стремлении закрепить свои позиции в Западном Закавказье

⁶⁶ См.: Аджинджал Е. К. К вопросу проникновения христианства в Абхазию. С. 158; Он же. Из истории абхазской государственности. С. 19.

⁶⁷ Сабинин Т. П. История грузинской церкви... С. 108.

⁶⁸ Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии... С. 83, 86 и др.

⁶⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 382 — 383.

⁶⁵ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. С. 35-36.

в противовес Ирану, в создании порубежных государств-федератов, лояльность которых по отношению к империи укреплялась, в основном, благодаря принятию христианства. «Все эти компоненты политической доктрины Юстиниана, — пишет Е. К. Аджинджал, — получали жизненную силу и реальное воплощение при проведении им внешнеполитической акции, особенно в период осложнения отношений с непримиримым врагом — Сасанидским Ираном»⁶⁹.

Как известно, в 532 году Византия и Иран заключили мир, согласно которому было восстановлено довоенное положение. Однако этот т. н. «вечный мир» не решил имевшиеся между соперничавшими державами противоречия. Обе стороны рассматривали его как временную передышку и вели приготовления к будущим столкновениям.

Иран в то время укрепляет свои позиции в Картли (Вост. Грузия), используя ее как плацдарм для дальнейших нападений на соседнюю Лазику. А византийцы развертывают в Колхиде строительство оборонительных и иных сооружений. Именно в это время одним из важных мероприятий императора Юстиниана явилось обращение абазгов в христианство и строительство для них храма, до сих пор не имеющего общепризнанной локализации⁷⁰.

⁶⁹ Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе. С. 175.

⁷⁰ Место возведения памятника долгое время является спорным. По нему высказывались: Фредерик Дюбуа де Монперэ, Н. Кондаков, С. Уварова, Ю. Кулаковский, К. Кекелидзе, Л. Меликсет-бек, С. Каухчишвили, Г. Чубинишвили, З. Анчабадзе, В. Леквинадзе, М. Гунба, Е. Аджинджал. Одни из названных специалистов локализируют храм на территории Питиунта, другие же местом его возведения считают Себастиополис (Сухум).

Не вдаваясь в подробное рассмотрение данного вопроса, мы хотим определить свое отношение к нему, исходя из сообщения одного источника. В сочинении грузинского летописца XI в. Джуаншера «Житие и деяния Вахтанга Горгасала» сохранилась краткая справка об обращении абхазов. (В свое время она была взята из сочинения ученого и переводчика Ефрема Мцире «Повествование об об-

Византийский император и высокопоставленные чиновники дворцового ранга, правители на местах, высшее духовенство во главе с константинопольским патриархом, прекрасно понимая значение и необходимость иметь вассально зависимые народы единоверцами и «друзьями», предприняли все меры для официального обращения абазгов в христианство до возобновления войны с Ираном в 542 году. Если наши предположения соответствуют действительности, то превращение христианства в общегосударственную идеологию для абазгов, красочно и в пропагандистском духе описанное Прокопием Кесарийским, имело место в период «вечного мира» (532 — 542 гг.), скорее всего сразу же после его заключения — в 532 г.⁷¹

Важным моментом в процессе христианизации абазгов является и то, что присланный из Византии первый официальный и главный священнослужитель является по происхождению абазгом, получившим церковное образование в Константинополе и умевшим говорить с абхазами на родном языке. Следует остановиться еще на одном моменте. Его назначает император, а не патриарх Константинопольский⁷². Как сообщает П. Кесарийский, когда исполнилось двадцать один год правления Юстиниана, т. е. в 548 г., готам, у которых умер главный священнослужитель, император послал епископа. А незадолго перед тем они узнали, по их словам, что и абасгам император прислал священника⁷³. На этот раз

ращении Грузии»). В этой редакции «Обращения абхазов» сказано, что «Юстиниан храм святой Богородицы воздвиг в Абхазии, в Пичунде...» (Джуаншер. Житие и деяния Вахтанга Горгасала. С. 215).

⁷¹ Примерно с нашей датировкой согласуется мнение Е. К. Аджинджала, высказанное им в более раннее время. Он считал, что крещение абазгов могло иметь место в 30-е годы VI в., до 536 г. (Аджинджал Е. К. Об одном аспекте... С. 178 — 179).

⁷² М. Мурзакевич же считал, что константинопольские патриархи назначали в Абхазию «самостоятельных архипастырей с титулом архиепископа, а затем катоколикоса...» (Мурзакевич М. Древнейший православный храм... С. 20 — 21).

⁷³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 385.

речь идет, по всей вероятности, о втором по счету епископе абазгов, последовавшем за Евфратой⁷⁴.

Следует думать, что первые абазгские епископы должны были способствовать признанию христианства санигами.

Большая война коснулась и Санигии, где в позднюю античность также пробивало себе дорогу христианство.

После известного трахейского (550 г.) сражения политическое и культурное влияние византийцев распространилось, как видно, и на северо-западных соседей абазгов, в частности, на санигов. Об этом свидетельствуют остатки монументальных сооружений юстиниановской эпохи на указанной территории. Материальным свидетельством культурной активности византийцев в этом регионе являются такие монументальные сооружения, в которых применялась архитектурная декорация константинопольского происхождения⁷⁵, а также другие археологические материалы.

К числу наиболее типичных раннехристианских памятников этого региона относится цандрипшская базилика VI в. Она представляет собой трехапсидное сооружение с нартексом, сочетающее центральную пятигранную апсиду с полукруглыми боковыми апсидами.

К VI веку относится, вероятно, и гагрский храм, входящий в число зальных построек с боковыми приделами⁷⁶. Можно с уверенностью сказать, что вслед за абазгами, и саниги были обращены в христианство при византийском императоре Юстиниане, хотя затруднительно говорить о конкретной дате данного акта.

⁷⁴ Весьма возможно, что в Абхазию, как правило, в качестве епископа посылали препозита — придворного из числа евнухов, которому во время торжественной процессии в день преполовления пятидесятницы император вместе с патриархом у святых ворот храма св. Мокия, помолившись, отдавал свечи. (См.: Две византийские хроники X в. С. 107 — 108).

⁷⁵ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 10 — 25.

⁷⁶ Гагрский храм расположен, как известно, на территории крепости VI века.

Исходя из источников и вышеизложенного, можно предположить, что официальная христианизация населения Колхиды была осуществлена в два этапа. В начале 20-х годов VI в. (между 523 — 527 годами) византийцы официально ввели новое вероучение среди апсиллов, лазов, мисимиан и сванов. А в 30-е годы того же столетия (532 — 533 гг.), по усилиям императора Юстиниана, христианство в качестве официальной религии провозгласили в Абазгии и Санигии.

В самой Византийской империи социальной опорой христианства уже в начале раннего средневековья являлись, как принято считать, феодальные отношения. Вместе с тем, проблемы феодализма, его генезиса и этапов развития в Восточно-римском государстве до сих пор в науке являются спорными. По мнению большинства специалистов, в VI в. здесь постепенно господствующим становится феодальный способ производства с христианской идеологией⁷⁷.

Нельзя сказать, что сразу же с официальным введением христианства произошли существенные сдвиги во всех областях культурной жизни абхазов: языческие дохристианские обряды, особенно некоторые их наиболее устойчивые элементы, сохранялись и впредь, в частности, в нагорной и подгорной зоне. Подобное положение было характерно как для Абазгии и Санигии, так и для Аписилии, в большей степени — для Мисиминии. Вместе с тем имеют место и определенные изменения.

Воронов Ю. Н. и Бгажба О. Х. об обществе апсиллов того времени пишут: «С момента принятия христианства (вторая четверть VI в.) происходит упорядочение в ориентации — только головой на запад. Здесь впервые в Восточном Причерноморье удалось получить интересные данные о воздействии христианизации на погребальный обряд местного населения. Сначала из могильного инвентаря были исключены у мужчин керамика и оружие, у женщин — посуда и орудия труда. Позднее, родственники не оставляют погребенным ни ук-

⁷⁷ См.: Вайнштейн О. Л. История советской средневековедения. С. 31 — 39.

рашений, ни деталей одежды. Естественно, в тот же период уходит в прошлое и обряд кремации»⁷⁸.

Постепенно общество начинает принимать христианский облик. Само официальное принятие новой идеологии не носило поверхностный формальный характер. Она в основном соответствовала социально-политическим интересам как Византии, так и самой Абхазии, потребностям молодого класса феодалов, которому идеология нужна была как интегрирующая общество сила, для того, чтобы использовать ее как орудие воздействия на народные массы. Никакая внешняя политическая власть не была бы в состоянии внедрить официальное христианство, если бы само местное общество своим внутренним развитием не было, хотя бы частично, подготовлено к принятию новой идеологии. Поэтому христианство, пришедшее к нам извне как идеология классового феодального общества, как вероучение господствующей Византийской империи, все же нельзя считать целиком и полностью насильственно навязанным местному обществу. Необходимо подразумевать наличие и объективных предпосылок, исторических обстоятельств, в том числе достаточного духовного уровня народного сознания, обусловивших сначала распространение христианства, а затем возведение его в ранг официальной религии.

Вероятно, христианство, как идейное явление, и в абхазской действительности явилось силой, серьезно влияющей как на культурную, так и на экономическую и политическую жизнь общества. Общеизвестно, что средневековые византийцы — законодатели религиозно-политических догматов и эстетики феодального быта. Официальное же введение христианства способствовало более тесному этническому консолидированию абхазских народностей, большему их политическому и культурному сближению с Византией. Церковная жизнь, как одна из форм реального бытия абхазского раннефеодального общества, в свою очередь способствова-

ла развитию и стабильности данного социально-экономического уклада.

После официального принятия в Абхазии христианства, особенно же после завершения ирано-византийской войны в Колхиде, развернулось широкомасштабное для того времени строительство христианских культовых сооружений, что проводилось, вероятно, с помощью и по поощрению византийцев. Выясняется, что для оформления — украшения ранних христианских храмов сюда, к строящимся объектам, привозили готовые детали, плиты и другие предметы с соответствующим на них орнаментом, декорациями и другими символическими оформлениями. К VI веку относится, к примеру, фрагмент привозной мраморной плиты с ромбическим оформлением, содержащим характерный набор мотивов, которая украшала когда-то один из ранних храмов в Новом Афоне⁷⁹.

По мнению Е. К. Аджинджала, культовые памятники сооружались на основе проектов константинопольских царских мастерских, фресковой живописи и предметов религиозного обряда, изготовление которых подвергалось строжайшей канонизации ареопагитской догмой церковной идеологии⁸⁰.

О наличии здесь, в Анакопии, ранних культовых построек косвенно свидетельствуют вислая печать из свинца, рельеф изображений на трех плитах и др.

Некоторые произведения скульптуры, такие, как плита VI в. из Дранды, подтверждают тот факт, что еще в начальный период раннего средневековья в Абхазии создавались, хотя в небольшом количестве, памятники, мастера которых были знакомы с собственно византийской и, возможно, константинопольской традицией.

По всей вероятности, с обращением апсид в христианство связаны культовые сооружения, выстроенные в 20—30-е годы VI в. в Цебельде.

Во время раскопок Цебельдинского крепостного комплекса были обнаружены остатки храмов, свиде-

⁷⁸ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Аписилин. С. 50.

⁷⁹ Хрушкова Л. Г. Скульптура... С. 21 — 36.

⁸⁰ Аджинджал Е. К. Об одном аспекте... С. 186.

тельствующие о существовании здесь и значительного очага христианства среди апсиров. На вершине утеса первой куртины древний ярус построек образует два храма. Один из них занимает вершину и по объему не большой; другой, побольше размерами, расположен севернее на плече утеса. Он представляет собой однонефную базилику с нартексом и южным приделом, пятигранной апсидой, выступающей снаружи с восточной стороны.

На основании сохранились три ряда кирпичей, изображенных красной краской в натуральный размер⁸¹. Интересно отметить, что орнамент, которым украшен капитель церкви, содержит изображения раннехристианских крестов, виноградной лозы, птиц и животных⁸². В форме креста изображен также выложенный кирпичом бассейн купели церкви.

В одном из углов примыкающего к церкви отдельного помещения нашли гробницу с замурованными в ней мощами христианского святого, с деревянным ларцом внутри, содержащим разрозненные человеческие кости. Считают, что они привезены откуда-то с юга и вместе с сопровождавшей их легендой доставлены в Цибилиум для придания особой святости данному месту⁸³.

Маленький же однонефный храм типа базилики «имел полукруглую снаружи и подковообразную изнутри апсиду с алтарным ограждением, и основное помещение, к которому с запада примыкает нартекс»⁸⁴.

Сохранились северная и западная стены со следами дверных проемов. Здесь найдена гробница, прислоненная к оштукатуренной поверхности северной стены малого храма. По этому признаку считают, что храм — древнейшая культовая постройка западного утеса, возведенная в рамках единого замысла, одновременно с крепостью в 20—30-е годы VI в.⁸⁵ Следовательно, все

⁸¹ См.: Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. «Главная крепость Ансипов...» С. 42 — 43.

⁸² Там же. С. 43.

⁸³ Там же. С. 44.

⁸⁴ См.: Там же.

⁸⁵ Там же.

это имело место после официальной христианизации апсиров.

Ю. Воронов и О. Бгажба предполагают, что помещение, в котором содержалась гробница с мощами, предназначалась как мавзолей, посвященный какому-то видному мученику. Кроме того, эта базилика, занимавшая почетное положение в комплексе, носила мемориальные функции⁸⁶.

Раскопочный материал начала раннего средневековья из Цибилиума интересен, помимо всего, в том отношении, что он позволяет судить о ходе процесса распространения христианства и христианизации апсиров, устанавливается даже имя одного епископа, Константина, и круг его деятельности.

Весьма ценным представляется впечатление специалистов о том, что «апсипы никогда не находились в стороне от развития, характеризовавшего культурный мир того времени...»⁸⁷.

У цебельдинских апсиров самобытная культура имела тесные и плодотворные связи с Римом и его преемницей — Византией, со всем Кавказским регионом, Ираном, Сирией, Малой Азией, Поволжьем и т. д. Апсипия являлась органической, хотя и периферийной частью римско-византийского культурно-христианского мира, ее население было в курсе лучших достижений материальной и духовной культуры того времени⁸⁸.

Чрезвычайно интересные сведения об Абхазии и Лазике (Эгриси) VII века содержатся в сочинении иерусалимского монаха Феодосия Гангрского. Этот монах активно защищал гонимых византийским правительством противников монофелитов. «Мемуары» Феодосия Гангрского вместе с эпистолой Анастасия Апокрисиария содержат также важную информацию о христианстве в Колхиде.

В сочинении подчеркивается, что Анастасий Апокрисиарий, Максим Исповедник и монах Анастасий 8 июня 662 года прибыли «в страну христоролюбивых лазов» и тут же были разлучены по велению правителя той

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 48.

⁸⁸ Там же. С. 59.

страны и распределили по крепостям Абазгии, Алании и Сванетии. В частности, Анастасий Апокрисиарий, лишившийся впоследствии соратников, долго скитался по Апсилии, Мисиминии и Абазгии, которые названы сплошь христианскими. Там сказано, что Анастасий Апокрисиарий в период третьей эгории скончался «в крепости Тусуме, находящейся под деревней Моквой, на земле апсиров, к востоку от Понта, у подножья Кавказских гор, вблизи племен христианолюбивых абазгов и аланов...»⁸⁹.

По этим и другим сообщениям Феодосия Гангрского видно, что абазги и апсилы, наряду с лазами (эгрисцами), изображены настоящими христианами, что передает этот монах словом «христолубивые».

Для истории христианства раннего средневековья неocenимое значение имеют списки церковных кафедр византийской империи VII в. т. н. эктезисы, т. е. перечень всех христианских организаций, входивших в Константинопольскую патриархию: митрополитства, автокефальные церкви и епископские кафедры каждого митрополитства. Сочинение принадлежит Василию Софенскому и Георгию Кипрскому. В нем о христианских организациях Западного Кавказа сообщается следующее: «Второй святейший апостольский и патриарший престол Константинопольский, (престол) Первозванного Андрея и Иоанна Евангелиста и апостола, в который входят Европа и Азия до восточной Сицилии, Киклады до Понта и Херсона, до Абазгии и Халдии и Хазарии (и) до Каппадокии (обнимает) все пределы севера»⁹⁰. Далее в том месте сочинения, где сообщается о границах паств святых патриархов и апостольских престолов, также названа Абазгия: «...Четвертый святейший апостольский и патриарший престол Антиохийский, который был первым престолом главы апостолов — Петра, обнимает земли до тех стран, которые к востоку от солнца проходят 87 дней пути, до Иверии и Абазгии и Армении, и до внутренней пустыни Хорасана, до персов и мидийцев и

⁸⁹ Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы... С. 51 — 54.

⁹⁰ Георгики. IV. (II). С. 137 — 138.

халдейцев, до окраин арабского государства, до парфян и эламитян до Междуречья, охватывает пределы Востока, где восходит солнце»⁹¹.

Абазгия, названная в числе ведущих христианских стран, подчинялась в религиозном отношении не Антиохийскому, а Константинопольскому патриаршеству.

С VII века на Западном Кавказе существуют три независимых друг от друга, но подчиненных Константинополю, религиозных организаций, которые упоминаются во всех церковных документах-нотциях, эктезисах: Зихская епархия, Епархия Лазики во главе с Фасидским митрополитом, Автокефальная епархия Абазгии во главе с Севастопольским епископом. В нотии под № 75, составленной Епифаном Кипрским, также засвидетельствовано Абхазское архиепископство с резиденцией в г. Севастополисе.

Автокефальный абазгский архиепископ, вместе с зихским (херсонским), боспорским и никопсийским архиепископами, входит в паству Константинопольского патриарха.

Абазгия и Лазика, т. е. Абхазия и Эгриси в это время являются не только политически независимыми друг от друга, но и самостоятельными в церковно-религиозном отношении⁹², хотя и сотрудничают в области межцерковных отношений. Обе политические единицы признавали над собой власть византийских императоров, а в религиозном отношении — Константинопольских патриархов.

Апсилия, еще в первой половине VII века, имела свое епископство, подчинявшееся Фазискому митрополиту.

В эктезисах, относительно структуры этой организации, написано: «...Епархия Лазики — Фасидский митрополит:

1. Родополисский епископ
2. Епископ абиссенов (апсиров — Г. А.)

⁹¹ Георгики. IV. (II). С. 137-138.

⁹² Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы... С. 59.

3. Петранцев епископ

4. Зиганиев епископ»⁹³.

Т. е. в Лазскую епархию, во главе которой стоит Фазисский (Потийский) митрополит, входят: родополисское епископство (Вардцихе), епископство части апсильов, епископ Петры (Цихисдзири), Зиганиевский (Гудавский) епископ.

Во второй половине VII в. политическое и религиозно-культурное положение Эгриси и Абхазии резко изменилось. Во время арабского вторжения в отдельных частях Апсильи, входивших в религиозном отношении в Лазику, усиливается борьба за независимость, которой способствовали, видимо, и арабские завоеватели и рост самосознания среди абхазских племен. К концу VII в. Абазгия и Апсилья фактически одна этно-политическая единица. С этого времени Апсилья, возможно и Мисиминия, в религиозном отношении подчиняется Абазгской автокефальной епархии с центром в Севастополисе, где сидел автокефальный архиепископ. Действительно, в VII нотиции, там, где сообщается об автокефальных архиепископах, епархия Лазики во главе с Фасидским митрополитом, которой подчиняются епископы четырех городов — Родополиса, Петры, Зиганеуса и Цаиши, — уже не включает в себя епископство апсильов⁹⁴. Однако Гудаа (Зигана) еще не присоединилась к Абазгской автокефальной епархии.

В период арабских завоеваний сильно пострадало Закавказье, имело место жестокое притеснение христиан, насаждение исламской религии. Однако местное население упорно сопротивлялось завоевателям и их религиозной политике. Арабам сопротивлялись, защищали христианство и абхазские народности. Византийский историк Феофан Хронограф сообщает, что в 738 году арабский полководец Сулейман Ибн-Исам вторгся в Апсилью и захватил крепость Сидерон и пленил Марина. А в 740 г. арабский полководец перебил упорствовавших «всех пленных христиан во всех городах его

владычества, причем пострадал и Евстафий блаженный, сын Марина, знаменитого патрикия. Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры и в знаменитом месопотамском городе Харане оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодатью божиею производят всякие целения»⁹⁵. Его имя хорошо известно в пантеоне мучеников всего христианского мира.

Как известно, в VII — VIII веках происходит интенсивный процесс консолидации абхазских племен-народностей. Абхазское княжество постепенно расширяет свои политические и этнические границы, оно усиливается и экономически. Все это соответствовало и наблюдаемому культурному прогрессу означенной эпохи.

В VII — VIII вв. в орнаменте архитектурных и скульптурных памятников Абхазии господствуют, как и следовало ожидать, чисто христианские мотивы и символика. Популярным является мотив равноконечного креста, часто вписанного в круг. Множество памятников содержит типичные раннехристианские мотивы⁹⁶. По всему видно, что христианство, имея множество последователей, уже к этому времени занимало господствующее положение в духовной жизни основного населения Абхазии. А церковь, в определенной степени, являлась связующим звеном между народом и его культурным и духовным достоянием. Из письменных источников об этом свидетельствует анонимный древний источник, который приводит патриарх Макарий. В сочинении этого деятеля XVII в. подробно описано то, что в первой половине VIII в. из Абхазии были посланы люди к Антиохийскому патриарху Феофилакт (744—750) для рукоположения в епископы и был назначен каталикосом для абхазов Иоанн⁹⁷. По мнению некоторых исследователей с середины VIII в. Абхазская церковная организация именуется каталикосатом. Самостоятельность Абхазской церкви заключалась не в полном выходе из подчи-

⁹⁵ Летопись византийца Феофана. С. 303.

⁹⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 34 — 37.

⁹⁷ См.: Жузе П. Грузия в XVII столетии... С. 9 — 10.

⁹³ См.: «Георгика». IV. (II). С. 130.

⁹⁴ Там же. С. 139 — 140.

нения Антиохийскому Патриарху, а в праве избирать и поставлять преемников избранного католикоса⁹⁸.

С VII века и до последней четверти VIII в. Анакопия, вместе со своей знаменитой крепостью, являлась центром Абхазского княжества и одним из значительных административных и религиозно-культурных мест Западного Кавказа. На территории второй оборонительной линии Анакопийского городища большой интерес представляют материалы нижнего слоя, относящиеся к VI — VII векам. Здесь имелись и храмы указанных столетий о чем свидетельствуют характер декорации уже отмеченных выше плит, близость их мотивов к раннехристианским. А средний культурный слой Анакопийского оборонительного комплекса датируется, как известно, VIII — IX веками. Этот период совпадает с процветанием христианской культуры в Абхазии. Имеются достаточные сведения и письменных источников, подтверждающие, что в 30-х годах VIII в. здесь имелись икона и храм, которые, согласно Джуаншеру, помогали абхазам и грузинам в сражении с арабами.

Следует, в первую очередь, сказать о том, что в 736 — 737 годах абхазы выступали против арабов под лозунгом защиты христиан и христианской культуры от угрозы мусульман. В определенном смысле антиарабская освободительная война являлась для народов Кавказа священной, которая имела и своих идеологов.

Совершенно не случайно то, что некоторые летописцы на этот момент обращают особое внимание, подчеркивая «чудодейственную силу» анакопийской иконы Богородицы, покровительством которой, по их словам, пользовались осажденные арабами защитники крепости. О степени популярности и традиционности иконы и ее церкви свидетельствуют слова историка Джуаншера, выразившего общепринятое мнение о том, что Анакопийская икона «не рукотворное писание, а ниспосланное свыше чудо, о котором никому не известно, кто нашел его на верхушке той горы»...⁹⁹

⁹⁸ Дбар Д. Из истории Абхазского католикосата. С. 21; Чачхалиа Д. К. Абхазская православная церковь. С. 15 — 16.

⁹⁹ Джуаншер. Жизнь и деяние Вахтанга Горгасала. С. 235.

Далее летописец подробно говорит о том, как покровительствовала икона абхазам и грузинам при сражении с арабами у стен Анакопии: «И предстали (Михр и Арчил) пред той святой иконой Пречистой Богородицы, молились ей преклонившись, говоря: «Выступим с надеждой на сына твоего, господа Бога нашего, который рожден тобою, помолись ему за нас и пусть милость твоя поспособствует сопутствовать нам его. И пред рассветом господь Бог послал на сарацин зной южный, и заболели они кровяной холерой. В ту ночь явился Арчилу ангел Божий, который сказал ему: «Идите и сразитесь с агарянами, ибо я на них послал жестокую и истребляющую людей и животных болезнь. Когда выступите, тогда из их лагеря услышите голоса стона и рыдания. Вы же будьте храбрыми и обретите силу, уповая на Бога». Когда же рассветало, из их лагеря раздались голоса плача и рыдания. И тогда выступили (абхазы и грузины), уповая на Бога, для сражения с ними; сразились, и господь Бог даровал победу малочисленному христианскому воинству... из христиан в этот день пало шестьдесят человек...»¹⁰⁰.

В приведенном сообщении Джуаншера явно чувствуется идея противопоставления христианства мусульманству, подобно византийскому обыкновению, приписать ратный подвиг абхазов и грузин господу Богу, божественному велению, его естественному благосклонному отношению к ним, от которых погибает в сражении только лишь 60 человек христиан. И это там, где, по словам историка, погибло в общей сложности 38 тыс. арабских воинов.

Мотив противопоставления друг другу идеологий верований содержит и сообщение Леонтия Мровели, в котором речь идет также об Анакопийской битве. В нем автор воссоздает, по возможности, спор-диалог, возникший на религиозной почве между грузинским царем Арчилом и другим уже арабским завоевателем Чичум-Асимом.

Царь Арчил, подчеркивая превосходство христианства перед мусульманством, говорит: «...А я не отло-

¹⁰⁰ Там же. С. 237 — 238.

жусь от господа Бога и не променяю вечное величие на это поспешно преходящее. В ответ (на это) Асим спросил: «Ты был тогда там при поражении сарацин в Абхазии?» Святой Арчил сказывал: «Я был тогда (в Анакопии), когда Бог поразил их». Вопросал Асим: «Какой же Бог поразил сарацин?» Отвечая ему, Арчил изрек: «Бог животворящий, который является творцом неба и земли, тот, который с неба спустился на землю для спасения рода человеческого и своей смертью спас нас и даровал нам бессмертие, он же поразил и унизил их»¹⁰¹.

Как видим, Леонти Мровели тоже, как и Джуаншер, считает, что под Анакопией арабы потерпели поражение благодаря господу Богу.

В словах Арчила еще больше, чем у Джуаншера, противопоставляются друг другу христианство и мусульманство, с целью показать преимущества первого перед вторым.

Следует подчеркнуть, что Л. Мровели, Джуаншер, даже царь Арчил, в этом случае выражают общее мнение и состояние христианской идеологии как в грузинском, так и абхазском обществе в эпоху раннего средневековья, которое объединяется во имя спасения христианства, мобилизуя свои силы в борьбе с нависшей над ним грозной силой завоевателей, совершавших в свою очередь, разорения целых стран и народов во имя Аллаха и магометанства.

Очевидно, что в рассматриваемый период христианство, как основная идеология, уже давно заняло господствующее положение в раннефеодальном обществе местных абхазских народностей. В свою очередь, становление христианства господствующей религией, несомненно, должно было оказать определенное политическое влияние на дальнейший процесс консолидации различных абхазских этно-культурных обществ, на формирование их в единую народность.

Можно не сомневаться, что в то время христианство, действительно, объединяя и сплачивая народы Кавказа против арабов, играло, бесспорно, положительную роль. Аналогичное явление имело место и в Западной Европе

в период борьбы с арабами. Ф. Энгельс писал, что европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего врага — сарацин¹⁰².

Антиарабская война христиан вообще считалась священной, поэтому и симпатии всех христианских народов, в том числе византийцев, были на стороне абазгов и картвелов.

Грузинский писатель Иоанн Сабанидзе в своем литературно-историческом сочинении «Мученичество Або Тбилели» дает, помимо всего, интересные сведения о культурно-религиозном положении Абхазии в 80-х годах VIII в. Он пишет: «Когда же известили владетеля Абхазии о блаженном Або, что тот является новокрещенным, он весьма обрадовался со всем своим народом, сам владетель, епископ и священники призвали его и благословляли, утешали и повествовали ему о житие Христа и благовещали за его вечную жизнь... И блаженный Або еще пуще благодарствовал Богу, т. к. он узрел страну ту исполненной Христовой веры и ни одного неверующего не сыскать было в пределах их земель. А границей их является Понтийское море, где повсеместно обитают христиане, вплоть до пределов Халдии; там находится Трапезунт, — место Апсарей и Напсаянская гавань. И являются те города и земли подвластными слуге Христова, царю ионийцев, который восседает на престоле в великом граде Константинополе.

Когда же праведный и блаженный Або увидел превосходящее боголюбие людей тех мест и непрерывное моление всего народа, им овладело священное рвение»¹⁰³.

Описанная картина, если ее принять за действительное состояние христианства в Абхазии, означает, что местное общество целиком посвящает себя служению этой идеологии, что сия страна преисполнена процветанием веры и культуры.

¹⁰² Энгельс Ф. Юридический социализм. С. 495.

¹⁰³ Памятники древнегрузинской агиографической литературы. I. С. 60.

¹⁰¹ Мровели Леонти. Мученичество Арчила. С. 247.

Думается, что в подобных свидетельствах И. Сабанисдзе не слишком преувеличено культурно-религиозное положение Абхазии второй половины VIII века. Об этом свидетельствуют и другие факты. Именно в 787 г. Абхазская автокефальная церковь была представлена на VII Вселенском соборе в Никее в лице Пицундского епископа¹⁰⁴. Материальным свидетельством торжества христианской идеологии является ряд памятников архитектуры и скульптуры того времени. Из них плиты алтарной преграды одной Цебельдинской церкви являются ярким примером художественной культуры эпохи Абхазского царства. Рассматривая подобные памятники, искусствовед Л. Г. Хрушкова приходит к весьма важному заключению: «Идеи торжества христианства и церкви, слившиеся с идеей мощи христианского государства, были весьма актуальными в эпоху недавно создавшегося и крепнувшего Абхазского царства. Молодая государственность ясно осознавала свою принадлежность к христианскому миру¹⁰⁵. Эта идеология сыграла важную роль и в консолидации племен в народность, и в борьбе с арабами, и в государственном строительстве, и в культурном развитии»¹⁰⁶. Значительный интерес представляет также проблема языка абхазской церкви. Бытует легенда, где сказано, что для оправдания перевода священного писания на старославянский язык деятель VIII в. Константин (Кирилл), полемизирует с латинскими священниками в Венеции, перечисляет народы, которые имеют свою письменность и молятся на родном языке. Это — армяне, персы, абазги, иберы, сугды, готы, авары, турцы¹⁰⁷. Данное предание подразумевает,

¹⁰⁴ См.: Тарнава М. И. Краткий очерк... С. 10.

¹⁰⁵ В этой связи подмечено и то, что иконография периода Абхазского царства ориентируется на восточнохристианские, в частности, малоазийские модели, исполнение хорошо характеризует местные вкусы и возможности. (Л. Г. Хрушкова).

¹⁰⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 83.

¹⁰⁷ См.: Аджинджал Е. К. Об одном аспекте... С. 185.

как видно, частичное использование разговорного абхазского языка в богослужении¹⁰⁸.

Все имеющиеся в распоряжении ученых материалы свидетельствуют о том, что в позднеантичной и ранне-средневековой Абхазии официальным церковным языком являлся греческий.

Известно, что в результате арабских завоеваний из-под византийской сферы влияния вышли некоторые страны. Абхазия и Лазика остались под властью Византии, т. к. граница последней с Халифатом проходила по Лихскому (Сурамско-му) хребту.

В связи с рассматриваемым вопросом значительным фактом является и абхазская антропонимия того времени: представители абхазской царской династии носят исключительно греко-византийские личные имена, бытование которых объясняется, несомненно, исповедованием ими православного христианства, а также культурной ориентированностью страны на Византию. Таким образом, в Абхазском царстве христианское православие, имея статус государственной религии, в известной степени раскрылось в единой церковной системе греко-византийского культурно-религиозного мира.

Кроме того, православное христианство в эпоху Абхазского царства (VIII — X вв.) легло в основу как личной, так и общественной и государственной жизни. На нем была основана светская и культурная жизнь общества. Оно, вероятно, заняло первенствующее положение в тех условиях бытия местного населения, оказывая нравственное и духовное воздействие на людей, в известной степени одухотворяя их.

Значительным моментом в вышеприведенном сообщении Сабанисдзе также является то, что в религиозно-культурном отношении Абхазское царство рассмотрено на фоне великой и традиционно христианской Византийской империи. Видно, что этот картлийский идеолог антиарабского и антимагометанского движения, рассмат-

¹⁰⁸ Френсис Дворник допускает возможность использования и грузинского языка в раннесредневековом абазгском богослужении. (Дворник Ф. Миссии греческой и западной церкви... С. 9). Однако подобное явление могло иметь место лишь после X в., но не раньше.

ривая «злободневные» вопросы своего времени, хочет сказать восточногрузинской общественности, находящейся под арабским игом, то, что в своей борьбе она не одинока, ибо по соседству с ней сплошь христианская Абхазия, защищенная от угрозы сарацин, связанная в то же время с Византийской империей.

Писатель считает, что для свержения арабского господства необходимо объединение усилий соседних христианских стран и народов. В этом деле, как видно, он возлагает большую надежду на Абхазское царство — страну исконно христианскую, и призывает Картли к более тесным связям с ней. В этих целях писатель специально подчеркивает, что царство абхазов как в географическом, так и в религиозно-культурном отношении находится в тесных связях с Византийской империей¹⁰⁹.

По всему видно, что церковь Абхазского царства, состоявшая из бывших Лазской епархии и Абазгской епархии, в это время пока еще подчиняется Константинопольскому патриарху. Политическое освобождение Абхазии из-под Византийской зависимости не повлекло за собой освобождение в области религии, т. е. отложение от Константинопольской патриархии. Списки иерархов константинопольского патриархата — эктесисы и нотии — свидетельствуют, что церковь Абхазского царства еще долгое время после этого подчинялась высшему духовному сану Византии.

В IX — X вв. в пределах Абхазского царства были возведены значительные памятники христианской цивилизации. О состоянии христианства на территории собственно Абхазии в означенные столетия свидетельствуют такие культовые сооружения, как храм Симона Кананита в Анакопии, Анухвский, Хуапский и Лыхненский

храмы, церковь в Цкелкаре, Киач-ныха, Илорский¹¹⁰, Моквский и Бедийский храмы, церковь в долине Цкуара и др.¹¹¹. Абхазский царь Георгий II в 920-х годах перестраивает церковь в Мартвили (в Мегрелии). В письменных источниках строительство культовых сооружений приписывается, как правило, отдельным абхазским царям. Так, в «Летописи Картли» писано, что Леон III (957—967) «...построил церковь в Мокве и учредил (в ней) епископскую кафедру, освятил ее и снабдил полным распоряжением¹¹². Ему же приписывается строительство храма в Кумурдо (совр. Ахалцихский район).

В указанной летописи говорится и о том, что царь Баграт III (975 — 1014) воздвиг Бедийский храм... «пожертвовал много сел во всех ущельях и землях, нарядил церковь всевозможными украшениями»¹¹³. Он же воздвиг большую соборную церковь в Кутаиси.

Из сообщений «Летописи» явствует, что еще в раннем средневековье основные христианские сооружения Абхазии располагали значительным богатством, церковными землями и крестьянами и т. д. Особое внимание уделялось также убранству и внутреннему украшению самих церквей. В одном сообщении относительно Илорского храма подчеркивается: «Сия церковь бескупольная, малая, богато украшенная»¹¹⁴.

В IX — X вв. Византийская империя, осуществляя миссию руководящего центра восточного (православного) христианства, в своей дипломатии широко использовала церковные организации, традиционно входившие в состав Константинопольского патриаршего престола, среди которых важное место занимала Абхазская церковь, обнимавшая в духовном отношении собствен-

Из сообщений «Летописи» явствует, что еще в раннем средневековье основные христианские сооружения Абхазии располагали значительным богатством, церковными землями и крестьянами и т. д. Особое внимание уделялось также убранству и внутреннему украшению самих церквей. В одном сообщении относительно Илорского храма подчеркивается: «Сия церковь бескупольная, малая, богато украшенная»¹¹⁴.

В IX — X вв. Византийская империя, осуществляя миссию руководящего центра восточного (православного) христианства, в своей дипломатии широко использовала церковные организации, традиционно входившие в состав Константинопольского патриаршего престола, среди которых важное место занимала Абхазская церковь, обнимавшая в духовном отношении собствен-

В IX — X вв. Византийская империя, осуществляя миссию руководящего центра восточного (православного) христианства, в своей дипломатии широко использовала церковные организации, традиционно входившие в состав Константинопольского патриаршего престола, среди которых важное место занимала Абхазская церковь, обнимавшая в духовном отношении собствен-

Илорская древняя церковь была выстроена в IX — X вв. Она представляла собой большую купольную церковь. Нынешняя была возведена на месте старого храма (А. К. Кацня).

По мнению М. Тарнава уже в X в. кафедра независимых каталикосов Абхазии создала свои епископии в Пицунде, Анакопии, Дранде, Илори, Мокве, Бедии (См.: Тарнава М. И. Указ. соч. С. 11).

¹¹² Летопись Картли. С. 270.

¹¹³ Летопись Картли. С. 281.

¹¹⁴ Багратиони В. История Грузии. С. 779-780.

но Абхазию и всю Западную Грузию. Сказанное подтверждают известные письма Константинопольского патриарха Николая Мистика¹⁵, адресованные абхазскому царю Георгию¹⁶ и датированные 922 — 925 годами. По общему содержанию этих посланий видно, что византийская дипломатическая традиция считает абхазских властителей благородными деятелями не только в мирской жизни, но и в духовной сфере, поборниками идеалов христианской идеологии и культуры.

Николай Мистик в своем письменном сношении предлагает в просительном тоне абхазскому царю оказать посильную помощь и содействие греческому архиепископу в Алаии в делах христианских на северо-западном Кавказе, многоэтничный состав населения которого в источниках зачастую обозначается в этот период собирательным термином — аланы.

Акад. Ю. Кулаковский и ряд других исследователей, на основании этих писем считали, что официальное крещение алан произошло в первой четверти X в., в котором непосредственное участие принимал абхазский царь Георгий¹⁷.

Однако Константинопольский патриарх в своем письменном обращении имеет в виду, как кажется, укрепление позиции православного христианства на северо-западном Кавказе. Аланы же задолго до указанных событий были приобщены к христианству. В известных «мемуарах» Иерусалимского монаха Феодосия Гангрского уже во второй половине VII в. аланы, наряду с абазгами и лазами, характеризуются как христолубивое племя у подножья Кавказских гор¹⁸.

В IX в. наблюдается активизация межцерковных связей Абхазского царства, Тао-Кларджети и Картли.

В этом плане значительный интерес представляет деятельность Григола Хандзтели и его учеников в Аб-

хазском царстве в IX в., которые построили, в частности, монастырь в Убэ (Имерети). Писатель X в. Георгий Мерчуле при изложении деятельности Хандзтийского архимандрита, в частности сообщает: «Одни из первых и добрых сподвижников блаженного Григола, Феодор и Христофор, хранили в сердцах священное рвение построить монастырь и, не известив о своем намерении отца Григола, тайно отправились в Абхазию, взяв с собой некоторых из монахов... Царь абхазов Дмитрий принял (их) с преболями почестями и поселил в удобном месте»¹⁹.

Далее Георгий Мерчуле пишет, что приехавший в Абхазское царство вслед за своими учениками Григол Хандзтели построил, по просьбе абхазского царя монастырь «и поставил его настоятелем некоего Иллариона, надежного старца... и отец Григол свои книги... оставил тому монастырю. А государь преисполнился радости из-за возведения монастыря, и на его строительство принес много пожертвований, отцу Григолу и его сподвижникам подарил десять тысяч драхм и осыпал их всеми благами»²⁰.

По этому материалу также видно, что абхазские цари проявляют весьма благосклонное отношение к христианству, поощряют строительство монастырей и т. д.

Все описанное отношение в то же время свидетельствует о расширении связей Абхазии с церковными деятелями Южной и Восточной Грузии. События, описанные в сочинении Георгия Мерчуле «Житие Григола Хандзтели», имели место во второй половине IX в., само сочинение он создал в 951 г. В 958 — 966 гг. составили обновленный вариант памятника. Общее содержание первоначального варианта и последующих редакций рассматриваемого произведения подтверждает, что Абхазская церковь еще в 60-е годы X в. не является частью Мцхетского Католикосата, считается автокефальной епархией в составе Константинопольской патриархии.

В сочинении Георгия Мерчуле обращает на себя

¹⁵ См.: Георгики. IV. (II). С. 212-218.

¹⁶ В источниках Георгий II (922-957) именован как Григорий.

¹⁷ См.: Кулаковский Ю. Христианство у алан. С. 3; Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии. С. 96 — 97.

¹⁸ См.: Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы. С. 51 — 54.

¹⁹ Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I. С. 267.

²⁰ Там же.

внимание один немаловажный момент. В нем почти не фигурирует предстоятель церкви Абхазского царства, Григола Хандзтели и его учеников встречает, принимает, сопровождает абхазский царь, а не глава местной церкви. Такое положение можно объяснить отчасти тем, что церковь Абхазского царства еще (первая половина IX в.) подчиняется Константинопольскому патриарху, о чем свидетельствуют и византийские церковные документы.

В письменных источниках, к сожалению, не сохранилось таких сведений, по которым можно было бы точно определить время и условия отделения Абхазской церкви от византийского патриаршего престола. В анонимном грузинском сочинении «Летопись Картли», сохранилось такое сообщение: «...Баграт назначил и узаконил католикоса в Абхазии в 830 году после рождества Христова»¹²¹. Следует заметить, что данное сообщение содержит некоторые списки «Житие Грузии», к тому же в виде поздней вставки в текст сочинения «Летопись Картли». Учитывая все это, трудно судить, идет ли в данном сведении речь о выделении Абхазской религиозной организации из состава церковных паств Константинопольского патриарха.

Более достоверными источниками по рассматриваемому вопросу считаются византийские церковные документы — эктесисы, тактики. Акад. Н. Бердзенишвили на основании этих материалов полагал, что созданные в разное время и в различных обстоятельствах Фазисское митрополитство и Севастополисское архиепископство объединились в один Абхазский католикосат и освободились от Константинопольского протектората во второй половине IX в.¹²²

Акад. И. А. Джавахишвили придерживался иного мнения. Он считал, что даже в XI веке Севастопольский (Сухумский) архиепископ мог подчиняться Константинопольскому патриарху. Он писал: «Если списки епископов Константинопольского патриарха правильно отра-

жают положение того времени, то один абхазский архиепископский престол в Севастополе входил тогда в паству иерарха Константинопольской церкви в качестве автокефального архиепископа»¹²³.

З. В. Анчабадзе не согласен с подобным предположением; он считает, что в XI веке в условиях существования единого Грузинского царства вряд ли допустима на подвластной ему территории епископская кафедра, подчиненная патриарху другого государства¹²⁴.

Е. К. Аджинджал не разделяет мнение тех ученых (З. В. Анчабадзе, М. Д. Лордкипанидзе и др.), которые считают, что в IX или X в. Абхазская церковь отпала от Константинополя и подчинилась Мцхетскому католикосату. Исходя из церковных эктесисов¹²⁵, писем патриарха Николая Мистика, адресованных абхазскому царю, относящихся к 20-м годам X в., он достаточно обосновывает, что в этот период Абхазская церковь все еще находилась под юрисдикцией Константинопольского патриаршего престола¹²⁶.

Мы считаем, что выделение Абхазской церкви из-под подчинения Константинопольского патриаршего престола непосредственно связано с объединением Абхазского царства и Восточной Грузии в последней четверти X века. По всей вероятности, в конце X в. была осуществлена «реформа» Абхазской церкви. Отныне вместо греко-византийской церкви и ее иерархии господствующее положение здесь занимала грузинская церковь и ее иерархия. Главу церкви, именовавшегося абхазским католикосом, подчинили резиденции главы грузинской церкви во Мцхета. Только с X в. на территории Абхазии появляются грузинские эпиграфические памятники, что является прямым последствием вышеуказанного акта.

¹²³ Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. II. С. 120.

¹²⁴ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. С. 144 — 145.

¹²⁵ Абхазское архиепископство упоминается в церковных эктесисах, относящихся к 806 — 815, 820 — 829 годам.

¹²⁶ Аджинджал Е. К. К истории абхазской автокефальной церкви. С. 9.

¹²¹ Летопись Картли. С. 255.

¹²² См.: Бердзенишвили Н. И. Визират в феодальной Грузии. С. 45.

Вместе с тем, следует указать на то, что греческий язык в культурной жизни собственно Абхазии и после этого занимал одно из ведущих мест. Представители высших кругов абхазского духовенства, а также феодалов, владевшие греческим и грузинским языками, пользовались ими в области официального делопроизводства и культуры; народные же массы коренного населения в своем большинстве не владели ими и богослужение совершали на абхазском языке, применяя также визуальную практику.

ГЛАВА II.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АБХАЗИИ И ХРИСТИАНСТВО

На территории Абхазии обнаружены многочисленные эпиграфические памятники различных эпох, которые имеют большую научную ценность и проливают определенный свет на многие вопросы исторического прошлого страны, на ее связи с непосредственными соседями и более отдаленными странами и народами.

Памятники письма, засвидетельствованные в Абхазии, составлены на греческом, латинском, грузинском, турецком и русском языках.

Древнегреческие письменные памятники, найденные на территории Абхазии, относятся к середине и второй половине первого тысячелетия до н. э. и связаны с существованием здесь греческих колоний. Эти памятники исходят из античных слоев Эшерского городища и Гюэноса (VI — V вв.), из монет Диоскуриады (II — I вв) и клейм этого города, отмечающих продукцию местного производства, а также из Сухумского глиняного светильника, относящегося к первым векам н. э.

Латинские надписи на территории Абхазии встречаются редко. Среди них очень интересен один памятник. В 80-х годах XIX в. из Сухумской крепостной стены был извлечен обломок известняковой плиты с частично сохранившейся латинской надписью, весь текст которой мог иметь такое содержание: «Адриан через легата

¹ См.: Шамба Г. К. Эшерское городище. С. 55 — 56; Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриады. С. 57 — 63; Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Эшерского городища. С. 223.

Флавия Арриана сей порт соорудил»². Как видно, данный памятник относится ко второму веку н. э.

Эпиграфические памятники последних столетий поздней античности и всего раннего средневековья, известные на территории Абхазии, в своем подавляющем большинстве являются греческими и восходят к ранневизантийской культуре. Одна из них обнаружена на погребальной стеле, найденной на развалинах Севастополисской (Сухумской) октогональной церкви V в. н. э. В дополненном и исправленном виде текст надписи гласит: «Здесь покоится Орест, воин-легионер, в память о нем мы возвели церковь»³.

Эта надпись считается самым пространственным греческим эпиграфическим текстом античного времени в Восточном Причерноморье. По нему становятся известными имя и род занятий того лица, которому посвящалось крупное городское святилище. Упомянутый в надписи Орест считается одним из основателей местной христианской общины⁴.

Большой интерес представляют эпиграфические памятники, обнаруженные в древней крепости Цибилиума (Цебельда). Среди бронзовых браслетов с перевязкой, состоящей из петли и крючка, относящихся к IV—V вв., один был украшен камнем с греческой монограммой: CXI.

Следует указать и на то, что в Цебельдинском могильнике был найден железный перстень с впаянной серебряной печаткой, на которой вычеканено изображение христианского креста⁵. В одном из женских погребений Цебельды найдена свинцовая печать с греческой монограммой, в которой читается слово ΤΕΟС, т. е. «Бог». Археологи Ю. Воронов и О. Бгажба ее относят к

² Ростовцев М. Надпись из Сухума. С. 4 — 6; Бгажба Х. С. О памятниках письменности в Абхазии. С. 8; Ельницкий Л. А. О малолетних или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья. С. 138 — 140.

³ Хрушкова Л. Г. Новая октогональная церковь... С. 218.

⁴ Там же. С. 219 — 220.

⁵ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Аписилин. С. 64 — 65.

VI в. н. э. «Вокруг печати, — пишут они, — отмечены следы кожи, позволяющие предполагать, что в иной мир эту даму сопровождал свиток с какими-то, скорее всего магическими письменами — еще одна ранее незафиксированная интересная деталь из истории культуры Абхазии раннего средневековья»⁶. На кирпичах и черепице из Цибилиума обнаружены были клейма с именем епископа Константина. Предполагают, что это — «имя не только первого христианского пастыря апсильских, но и одного из главных вдохновителей строительства крепости»⁷.

Л. Н. Соловьев, ведший археологическую рекогносцировку в Цебельде в 30-х — начале 40-х годов, в своих публикациях и дневниковых записях оставил сведения о находках здесь каких-то греческих надписей VI—VII вв. Предположения и находки ученого подтвердили, значительно дополнили дальнейшие изыскания Ю. Воронова и О. Бгажба. В слоях VI в. в Цебельдинской крепости ими были найдены: костяной стилос для письма по воощенной доске, греческая молитвенная надпись на кирпиче — «Святой... спаси», отпечатки клейма на кирпичах и черепице из местной глины с именем епископа Константина⁸, отдельные буквенные знаки на камнях, кирпичах и керамике⁹.

В этом регионе исторической Аписилии обнаружены и другие памятники греческой письменности начала раннего средневековья. Так, в крепости Пскал, расположенной на левом берегу р. Кодор, был найден фрагмент строительной греческой надписи VI в. н. э., а в урочище Лар Ю. Н. Воронов нашел в апсильской могиле VI в. н. э. дефектную греческую надпись на щитке бронзовой пряжи¹⁰. Арка проема одной из башен Цебельдинской крепости, считающейся великолепным об-

⁶ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Аписилин. С. 65.

⁷ Там же. С. 72 — 73.

⁸ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды. Рис. I.

⁹ Там же. Рис. 17 и др.

¹⁰ Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. С. 62. Рис. 10.

разцом архитектурной мысли VI века, состоит из семи рядов крупных клиновидных блоков, на которых нанесены метки каменотесов в виде греческих букв В и К, а также стреловидных значков, причем не беспорядочно, а строго в соответствии с рядами. Поэтому полагают, что эти знаки наносились в каменоломне в соответствии с чертежами, а затем обеспечивали правильность сборки на месте¹.

Одними из наиболее ранних абхазских эпиграфических памятников рубежа античности и средневековья можно считать греческие (византийские) надписи из Пицунды. Это, в первую очередь, надписи, сохранившиеся на мозаичном полу древней церкви. В восточной части алтаря этой церкви сохранился фрагмент надписи из «Апокалипсиса Иоанна» («Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь...»), которая встречается на стенах храмов и на предметах церковной утвари с первых веков н. э. Западнее названного фрагмента, в том же алтаре, в центре выведен круг; его правая сторона повреждена, а в уцелевшей части читается шестистрочная надпись, которая переводится так: «В моление за Оре... и за весь его дом»².

По очертанию букв эта пицундская надпись отнесена к параллелям, датируемым преимущественно V — VII вв. н.э.³ На территории же Пицунды в 1955 г. была найдена вислая печать с греческой надписью, состоящей из двух слов: «Константинос Абасгиас», т. е. «Константин Абхазский». Печать вместе с надписью датируют VII в. или VII — VIII вв. н. э. Вполне закономерно высказанное в связи с этим мнение о том, что «так мог называться только владетель Абхазии, пользовавшийся правом скреплять свои акты и послания вислыми печатями»⁴.

¹ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Аписилии. С. 31.

² Каухчишвили Т. С. Греческие надписи пицундской мозаики. С. 73 — 80; Она же. Эпиграфические надписи из Грузии. С. 130 — 131.

³ Бгажба Х. С. О памятниках письменности в Абхазии. С. 5.

⁴ Левинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского. С. 404.

С этой надписью перекликается и другой памятник; при раскопках Цандрипшского храма VI в. был найден фрагмент мрамора, в котором сохранилась часть греческой надписи: СΓΙΑС. В ней вполне резонно усматривается наиболее возможный вариант восстановления слова «ΑΒΑΣΓΙΑС»⁵.

На территории Анакопии также сохранились ценные памятники. Внутри цитадели крепости расположен раннесредневековый полуразрушенный храм зального типа. От древней части этого культового сооружения до нас дошли известняковые плиты с изображением рыбы, кипарисов, креста и других раннехристианских символов. Они служили навершиями небольших окон. К VI веку относится фрагмент привозной мраморной плиты с ромбическим орнаментом, содержащим характерный набор мотивов. Все это подразумевает наличие эпиграфических памятников, основная часть которых еще не найдена.

К началу раннего средневековья относятся, вероятно, некоторые элементы орнаментики и знаки собственности, имеющиеся на различных предметах, обнаруженных в Анакопии и ее окрестностях. В этой связи интересно отметить, что на поверхности одного черепка из Анакопии имеется вдавленный штамповый орнамент в виде розетки с лепестками; а на обломке ручки одной из посуды сохранилось изображение знака мастера⁶.

Вислая свинцовая печать, найденная в Анакопии, относится к VI — VII вв. На обеих сторонах печати — греческие монограммы с обращением к Богоматери и с именем епарха Петра⁷.

По всей вероятности, в первых веках раннего средневековья здесь были созданы и другие памятники культуры. Во-первых, древняя Трахея-Анакопия занимала такое важное место в жизни страны, во-вторых, обнаруженные здесь развалины раннехристианских памят-

⁵ Хрушкова Л. Г. Цандрипш. С. 47.

⁶ Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии. С. 152.

⁷ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 18, 26 — 31; Она же. Древняя печать из Нового Афона.

ников, распространение христианства среди абазгов подразумевают наличие письменной культуры, вероятно, греко-византийской; в-третьих, имеется косвенное указание письменных источников на то, что в Трахее — одном из экономических и административно-культурных центров Абазгии VI века — определенная часть населения владеет греческим языком. Историк VI в. Прокопий Кесарийский пишет: «Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его Трахеей-суровокремнистым»¹⁸. Хочется особо обратить внимание на слова историка: «...люди, говорящие здесь (т. е. в Трахее-Анакопии) по-гречески».

В числе говорящих по-гречески историк имеет в виду как проживающих в Трахее греков, так и тех коренных жителей, в данном случае абазгов, которые владеют и греческим языком. Эту часть населения города составляли, по-видимому, представители знати, ремесленников, купечества и служителей религиозных культов. Сказанное относится и к другим населенным, преимущественно прибрежным, пунктам Абазгии и всей Колхиды, в которых вместе с коренным населением имелось определенное число греков, хотя и составляли они меньшинство жителей.

Греческое присутствие в Абхазии измерялось не количеством колонистов, а влиянием Византии на различные области жизни Восточного Причерноморья. Вообще общепризнанно, что благодаря социально-экономическому и историко-культурному развитию, Византийская империя неизмеримое влияние оказывала славянским, кавказским и другим народам того периода.

Греческий язык, получивший сравнительно широкое распространение на территории Колхиды еще в античную эпоху, в Абхазии удерживал свои позиции в первых веках раннего средневековья. Местные грамотные люди употребляли его в качестве официального письменного языка¹⁹. В этом отношении весьма показательно

указание письменных памятников на один факт, свидетельствующий о состоянии и степени греко-византийской образованности в раннесредневековой Абхазии. Речь идет о том, что в некоторых списках византийского законодательного свода VIII в. «Эклога», а также и в Кормчей книге упоминается имя гипата и антиграфеста, патрикия Марина, принимавшего участие, наряду с другими лицами, в составлении «Эклоги». Так, в Кормчей книге говорится: «Призвавше славные наши патрикия, преславного убо Никиту, патрикия и куэстора и преименитого гипата и писца Марина и Мария и прочия божий страх имеюща...». В Ватиканской и Парижской рукописях т. н. Частной Эклоги и в некоторых других списках этим словам соответствуют: «Никита славнейший патрикий и квестор, славнейшие патрикии Марин и Нонн, славнейшие гипаты»²⁰. По мнению В. Г. Василевского упоминаемый здесь Марин есть тот же сановник, который дважды встречается у хрониста Феофана под 6230 (738) г. и 6232 (740) г., являющийся отцом Евстафия и патрикием апсиров, с ним согласна Е. Э. Липшиц²¹.

Греко-абазгское культурное взаимовлияние отразилось и на ономастике, в частности, на топонимике. В этой связи определенный интерес представляют греческий ойконим «Трахейя» и абхазская «Анакопия».

В вышеприведенном сообщении Прокопия Кесарийского приводятся, как видим, лишь греческая форма названия описанного им пункта — Трахейя, которая переводится как «суровокремнистый». Оно является как бы названием-характеристикой, и, по словам историка, есть «название, достойное этого отвесного обрыва». А что же означает абхазское название этого места — Анакопия? По этому поводу ученый-путешественник XIX в. Фредерик Дюбуа де Монперэ писал: «Анакопия... означает видимую издалека местность, иссеченную крутизнами гор»²².

²⁰ См.: Василевский В. Г. Труды. Т. IV. С. 166 — 167.

²¹ См.: Эклога. С. 84.

²² Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. С. 129.

¹⁸ Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 401.

¹⁹ См.: Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. С. 224 — 225.

Ученый считал, что такое название как нельзя лучше соответствует характеру местности²³.

Следовательно, и абхазский топоним «Анакопия» по своему происхождению связан с особенностями этой местности, т. е. представляет собой лаконичную характеристику оро рельефа данного пункта. Дальнейшая глубоко научная этимология рассматриваемого названия принадлежит доктору филологических наук Х. С. Бгажба, который пишет: «В слове Анакопия, как и в Никописи, мы можем выделить окончание *иа*. Основа Анакоп, видимо, восходит к *анакаа*, где второй элемент *каа* означает выступ (ср. *а-каа-а-еа* — «изрезанная, извилистая местность»). Первая часть — *ана* — самостоятельная основа, которая может быть выделена и в других географических именах: Анхуа (из Ана-хуа), Ана-па»²⁴.

Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить, что греческая Трахея «суровокремнистая» — в абхазском варианте «Анакопия» выступает как «изрезанный», «выступ» или «иссеченный крутизнами». Следовательно, есть полное основание думать, что греческий топоним «Трахея» и древне-абхазское географическое название Анакаа по смысловому содержанию тождественны. Вместе с тем, не должно вызывать сомнения то обстоятельство, что слово Анакаа принадлежит к числу древних абхазских топо-географических имен, что оно гораздо древнее Трахеи на данной земле и на много столетий предшествовало появлению здесь греческого названия, точнее, его переводного варианта. Исходя из сказанного, нам представляется, что «Трахея» есть перевод, либо вариант перевода абхазского составного слова Анакаа на греческий язык. Если наше предположение соответствует действительности, то и в данном конкретном случае мы имеем дело с фактом взаимовлияния греко-местных культур и продолжением античной традиции греческих колонистов, заключавшейся в том, что они в ряде случаев со-

²³ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. С. 129.

²⁴ Бгажба Х. С. Некоторые вопросы абхазской топонимики. С. 168.

держание местных колхидских географических имен переводили на свой язык, создавая таким образом слой переводных форм топонимии; а это обстоятельство предполагает, что определенные круги греческого населения Восточного Причерноморья владели и местными языками.

Далее. Храм Симона Кананита в Анакопии сохранил две греческие надписи. Одна из них, датируемая IX—X веками, имелась на продолговатом камне над окнами южной стены монастыря вместе с изображением круга и креста внутри него. Эту надпись читают по-разному, и ее изучением занимались И. В. Помяловский, В. В. Латышев, Т. С. Каухчишвили и др. Один из вариантов ее чтения гласит: «Матерь божья! Спаси Георгия пречистого, митрополита (Зихского?)». Согласно другому варианту чтения, надпись содержит следующий текст: «Матерь божья, спаси Георгия, причастного (т. е. митрополита) Цхомского»²⁵. Считают возможным, что этот камень до первой реставрации церкви служил могилой плитой над захоронением упомянутого митрополита²⁶.

Вторая надпись высечена на одном из камней восточного фасада храма. Она состояла из четырех или пяти строк; надпись значительно повреждена и читается только частично. Своим содержанием она обращена к Богу с просьбой о спасении строителя этого храма: «Христос Господь, спаси раба (своего)... являются... и сын твой и... Христос господь... Христос». Ее тоже относят к IX-X векам и считают надгробной надписью²⁷.

На развалинах Анакопийской крепости также нашли ряд надписей²⁸. В первую очередь заслуживает внима-

²⁵ Каухчишвили Т. С. Греческие надписи в Грузии. С. 20.

²⁶ См.: Пачулиа В. П. Новый Афон. С. 50 — 51.

²⁷ Каухчишвили Т. С. Указ. соч. С. 20 — 21.

²⁸ Авторы трудов «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», которые известны только по инициалам: А. Л. и И. Н., впервые опубликовали памятники письма из Анакопии в 1885 и 1898 гг. с некоторыми неточностями и ошибками. В. В. Латышев, И. В. Помяловский, Т. С. Каухчишвили в своих дешифровках устранили эти недостатки.

ния каменный крест с греческой надписью X в., которая гласит: «...Месяца марта... лета 6437, индикта 2... Боже небесный, крепкий и бессмертный, упокой его. Христе боже, спаси недостойного твоего Евстафия пресвитера, написавшего (сие). Аминь»²⁹.

Акад. В. В. Латышев считал, что поставленная в надписи дата 6437, т. е. 929 год н. э. «относится ко времени кончины лица, над могилою которого был поставлен этот памятник. Имя и звание этого лица к сожалению не сохранились, но по тщательности обработки креста и по длинной, старательно иссеченной надписи, составленной или вырезанной на камне пресвитером, можно предположить, что это было какое-либо знатное духовное или светское лицо... Таким образом... надпись представляет собою документ несомненного существования в данной местности христианства с греческими или, по крайней мере, говорившими и писавшими по-гречески пресвитерами в 30-х годах X в., в царствование Константина Багрянородного»³⁰.

К концу же раннего средневековья относится анакопийская плита с ценной надписью на греческом языке, где сказано: «Построено промыслом Бога и Богородицы и великим счастьем Константина Мономаха, великого царя и самодержца римлян, содействием Евгения протоспафирия Деспота и Феодора Валанти, таксиарха Касы, сия дивная... лета 6554, в месяце феврале, индикта 14-го»³¹.

По этому памятнику, составленному в 1046 (6554) году, видно, что византийский император Константин IX Мономах (1042 — 1055) прочно удерживал свои позиции на стратегически важном пункте Абхазии.

Можно предположить, что к укреплению и реставрации Анакопии византийцы приступили после неудачной осады крепости абхазским ополчением, предпринятой весной 1046 г. В. В. Латышев, имея в виду этот период, писал: «Анакуфа... оставалась во владении византийских

²⁹ Латышев В. В. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря. С. 18.

³⁰ Там же. С. 18 — 20.

³¹ Там же. С. 26-27.

императоров. После покорения Ани прекрасное стратегическое положение этой крепости легко могло внушить Константину Мономаху мысль сделать ее одной из операционных баз на побережье, и в этих видах он, по всей вероятности, и отдал протоспафарию Евгению и таксиарху Феодору повеление ремонтировать укрепление или вновь построить какие-либо необходимые крепостные здания, а для удовлетворения религиозных потребностей гарнизона воздвигнуть церковь»³². Весьма возможно, что именно по поручению Константина Мономаха подвергается перестройке и реставрации храм зального типа, древняя часть которого была построена еще в начале раннего средневековья.

Основная часть материалов, в том числе памятников греческой письменности, обнаруженных в культурном слое X — XI веков второй линии Анакопийского оборонительного комплекса, относится к тому периоду, когда городом-крепостью владели византийцы. К названному периоду относятся византийские монеты XI в. с греческой надписью. Одна монета, сделанная из серебра, имела надпись с именем императора Константина Мономаха. Она относится к 40-м годам XI века и считается редким экземпляром в Закавказье³³.

Среди обнаруженных в Анакопии византийских медных монет имеются анонимные, довольно распространенные, редкие. На лицевой стороне большинства монет — погрудное изображение Иисуса Христа; а на обратной стороне их имеется греческая надпись: «Христос — царь царей». К сказанному можно добавить то, что отдельные греческие надписи, относящиеся к более поздним временам, встречаются на стеновых росписях церквей и на надгробных плитах. Они засвидетельствованы в Пицунде, Лыхне, Новом Афоне, Гуме, Сухуме, Мокве.

Здесь же в общих чертах следует заметить, что значительный научный интерес представляют сведения об Абхазии, содержащиеся в греческих историко-литературных памятниках византийской эпохи. Кроме всего,

³² Латышев В. В. Указ. соч. С. 27.

³³ Голенко К. В. Монеты из раскопок Анакопийской крепости.. С. 165.

фактом особой значимости следует считать упоминание Абасгии в раннесредневековой византийской эпической поэме «Дигенис Акрит». Согласно сюжету памятника, в честь бракосочетания богатыря Дигениса и красавицы Евдокии, родители молодоженов устраивают пышный пир и преподносят им множество даров, среди которых названы ловчие соколы из Абхазии:

«Птиц ловчих из Абасгии, двенадцать белоснежных, двенадцать малых соколов и столько же обычных»³⁴.

Принято считать, что поэма первоначально складывалась из древних греческих песен в среде народных сказителей; затем в X — XI вв. подверглась литературной обработке в кругу образованных монахов. Вполне допустимо, что еще в первоначальных вариантах памятника, восходящих к более ранним временам, присутствовал сюжет об абхазских соколах.

Общеизвестно, что «Дигенис Акрит» — один из немногих целиком сохранившихся грекоязычных памятников византийского фольклора, который знали и в тех странах, которые находились в тесных культурных отношениях с Византийской империей. В XII в. перевод поэмы под названием «Девгениево деяние» бытовал на древней Руси³⁵. Вероятно, памятник византийского фольклора еще в раннем средневековье знали в странах Кавказа, в том числе в Абхазском царстве.

На территории Абхазии имеется ряд памятников грузинского письма. Наиболее ранние из них, засвидетельствованные здесь, по мнению палеографистов, относятся к X веку.

К первой половине X в. относят плиту с надписью асомтаврули (заглавное письмо), найденную в селе Хуап Гудаутского района, предназначенную для оформления фасада церкви. В надписи сообщается о том, что там церковь была построена в царствование абхазского царя Георгия II (922 — 957). На плите фрагментарно высечено и имя матери этого царя — Гурандухт. В надписи содержится молитвенное обращение к святому Николаю. Это — явление очень редкое, так как церкви

в Абхазии обычно посвящались святому Георгию, а не Николаю³⁶.

На ктиторских изображениях Бедийского храма сохранились обрывки надписей. Искусствовед Р. О. Шмерлинг отмечает, что здесь «вместо имеющих большое научное значение обозначений должностей и имен, сопровождавших в свое время изображения, фрагментированная и размытая живопись сохранила лишь обрывки отдельных букв, смысловая связь между которыми в основном утрачена»³⁷.

С Бедийским же храмом связана чаша золотого потира с ценной надписью. Академик Г. Чубинишвили так описывает ее: «В двенадцатичастной аркатуре напротив восседающего на троне Христа, по сторонам которого стоят Иоанн и Яков, изображена сидящая богоматерь, со стоящими Петром и Павлом по сторонам; между названными апостолами стоят с одной стороны Андрей, Лука и Марк, а с другой — Леввей, Фаддей и Варфоломей. Вдоль верхнего края, начиная, примерно, над изображением Христа, тянется ктиторская надпись Баграта, царя Абхазии, и его матери царицы Гурандухт, которые пожертвовали чашу построенной ими церкви. Последняя была закончена в 999 г. Следовательно, с этим совпадало и время изготовления чаши»³⁸. Надпись на бедийской чаше в русском переводе гласит: «Христос! Святая Богородица, будь заступницей перед сыном твоим Баграту абхазскому царю и матери его царице Гурандухт, пожертвовавшим сию чашу, украсившим сей алтарь, и построившим сию святую церковь. Аминь!»³⁹. На ножке чаши, считающейся утерянной, имелись также надпись более позднего времени: «Пресвятая Влахернская Богоматерь, будь помощью мне бедийскому митрополиту Герману Чхетидзе, удостоившему украсить

³⁶ Бгажба Х. С. О памятниках письменности в Абхазии. С. 9.

³⁷ Шмерлинг Р. О. К вопросу о датировке росписи храма Бедиа. С. 504.

³⁸ Чубинишвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство. С. 15.

³⁹ Он же. Бедийская золотая чаша. С. 1 — 16.

³⁴ Памятники византийской литературы IX — XIV вв. С. 121.

³⁵ Фрейберг Л. А. Византийская эпическая поэма. С. 114 — 115.

ножку святой сей чаши, да будешь ходатайницей перед сыном твоим в день судный, аминь»⁴⁰.

Учеными прошлого столетия в селе Лыхны зафиксированы не дошедшие до нас грузинские эпиграфические памятники, относящиеся к концу раннего-началу зрелого средневековья. Так, на Лыхненском храме имела фресковая надпись, в которой упоминались имена святого Василия и святого Богослова⁴¹.

Историк XIX века Д. Бакрадзе увидел здесь еще одну надпись, в которой речь шла о «царствующем благочестивом царе Куропалате Георгии»⁴².

Вероятно, в надписи имеется в виду царь Георгий I (1014 — 1027), сын Баграта III (975 — 1014). Интерес представляет также несохранившаяся надпись на одной из стен Лыхненского храма, сделанная уставным начертанием букв — асомтаврули. В ней сообщалось о появлении кометы в 1066 году: «Христос, являешься ты благословенным богом и господином всего сущего. Это произошло от сотворения мира лета 6669, в хроникон 286, в царствование Баграта, сына Георгия... В апреле месяце появилась звезда, из недр которой исходили лучи, возвышаясь перед ней, подобно святому сиянию... Это произошло на вербной неделе до воскресения (Христово)»⁴³. Достоверность содержания данной надписи не вызывает сомнения, ибо в астрономической науке установлено, что действительно в 1066 году имело место появление кометы, названной в последующем звездой Галлея. Также известно, что в надписи речь идет о царе Баграте IV (1027 — 1072), сыне Георгия I (1014 — 1027).

Грузинские письменные памятники найдены также в селе Речхо-Цхири Гальского района. Одна надпись, вы-

полненная буквами гражданского письма Мхедрули, высечена на престоле среднего алтаря Цкелкарской церкви. Вторая надпись имеется на обломках камня. Она написана уставными буквами асомтаврули. Обе надписи датируются X — XI веками⁴⁴.

В верхнем слое второй оборонительной линии Анакопии, при расчистке одной из башен в 1957 г., М. М. Трапш нашел грузинскую серебряную монету; ее края обломаны и стерты, вследствие чего от круглой грузинской надписи сохранились лишь фрагменты.

Лицевая сторона монеты содержит погрудное изображение Влахернской Богоматери с воздетыми руками и нимбом вокруг головы. На оборотной стороне монеты имела грузинская надпись шрифтом асомтаврули, которая сохранилась в виде отдельных букв⁴⁵.

Нумизмат Д. Г. Капанадзе, изучивший эту монету, исходя из аналогичных грузинских денежных знаков XI в., относит ее к эпохе царствования Георгия II (1072 — 1089) и датирует пределами 1081 — 1089 гг. Он же реконструировал надпись на монете, исходя из известной в XI в. трафаретной формулы, которая в переводе читается так: «Христос! возвеличь Георгия — абхазцев и грузин царя и кесароса»⁴⁶.

Анакопийская монета со своей надписью представляет собой большой интерес и по точной фиксации обстоятельства и места ее находки⁴⁷.

«Наличие же на этой монете титула кесароса, — пишет Д. Г. Капанадзе, — дает нам основание отнести ее к Георгию II... Зная о времени присвоения ему этого титула и о конечной дате его правления, монету точно можно датировать пределами 1081 — 1089 гг.»⁴⁸.

Следует думать, что грузинская монета могла попасть туда после освобождения Анакопии из-под визан-

⁴⁰ Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства. С. 39.

⁴¹ См.: Уварова П. Христианские памятники Кавказа. С. 16. (Таб. III).

⁴² Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства. С. 136 — 137; Отхмезури Т. К. Грузинские эпиграфические памятники. С. 237.

⁴³ Жордания Ф. Хроники. Т. I. С. 120.

⁴⁴ См.: Шервашидзе Л. А. Цкелкари. С. 51 — 53; Бгажба Х. С. О памятниках письменности в Абхазии. С. 9.

⁴⁵ Капанадзе Д. Г. Неизвестный вариант грузинской монеты XI в. С. 101.

⁴⁶ Там же. С. 102.

⁴⁷ Там же. С. 104.

⁴⁸ Там же. С. 101 — 102.

тийской власти. Следовательно, она позволяет нам предположить, что окончательное освобождение Анакопии от византийцев имело место в начале 80-х годов XI века, в последние годы царствования Георгия II.

В сел. Анухва (близ Нового Афона) Гудаутского района также был обнаружен интересный эпиграфический памятник конца раннего средневековья. Плиты XI в. из этого села содержат сцену Распятия и изображение Св. Георгия. На одной из них сочетаются греческая (для обозначения сюжета) и грузинские (для действующих лиц) надписи⁴⁹.

На развалинах храма с этого же села в 30-х годах XX в. краевед И. Е. Адзинба нашел резной столб. Надпись XI в. на нем, выполненная грузинским уставным круглым письмом, гласит: «Именем божьим воздвиг сей крест во имя Бога, отца, сына и святого духа я, Георгий, сын Василия. Отныне кто будет ему молиться, помяните нас троих братьев, да будет аминь». В верхней части надписи написано: «Святой Георгий». То же самое повторяется в нижней ее части⁵⁰. Известна еще одна надпись из Анухва, которую можно датировать XI веком. Она в переводе читается: «Святые архангелы Михаил и Гавриил»⁵¹.

Как известно, разновременные ценные изображения и надписи сохранились в гроте Агца, расположенном в урочище того же села Анухва⁵². Для нас особый интерес представляют начертания и надпись, содержащиеся в верхнем поясе этого грота, хронологически относящиеся, вероятно, к концу раннего средневековья. Здесь, в верхнем слое, изображены круги, культовые оружия, человеческая рука, кресты и несколько раз повторяющаяся грузинская надпись из одного слова. Все они отличаются четкостью и каллиграфичностью, нанесены глубоко, тонкой чертой, металлическим инст-

⁴⁹ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 96.

⁵⁰ Бгажба Х. С. Указ. соч. С. 11.

⁵¹ Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. С. 254.

⁵² См.: Соловьев Л. Н. Надписи и изображения грота Агца. С. 164 — 165.

рументом⁵³. Каждый из семи кругов правильно намечен по циркулю и имеет в диаметре 12 см. Вокруг центрального круга группируются остальные, образуя в целом один большой круг⁵⁴.

Можно предположить, что в изображениях Агцинского грота мы имеем дело с астральной символикой; известно, что «знаки креста и круга с крестом генетически восходят к культу солнца»⁵⁵. Следует обратить внимание и на то, что в гроте изображено именно семь кругов.

«Определенное число кругов, а именно 7, — пишет Л. Н. Соловьев, — было обязательным, следовательно символическим»⁵⁶.

Общеизвестно, что число 7 у многих народов считалось священным; оно имело сакральное значение⁵⁷. В Библии число «семь» (7) используется очень часто: оно считается и сроком для очищения (семь дней, семь недель и т. д.).

В религиозном культе и ритуале абхазов, в их устном творчестве это число занимает также особое место. Так, в абхазском дохристианском языческом пантеоне центральное место занимает Айтар, состоящий из семи божеств (Аитар — «бжьеитар»). Эти божества считались долями «великого Бога обновления природы, размножения и, особенно, скотоводства, при молении которым у абхазов в первый же день после масленицы готовились соответствующие им фигуры из теста⁵⁸.

Кроме того, в устном творчестве абхазов то или иное действие героев, встречи персонажей и т. д. часто

⁵³ Соловьев Л. Н. Указ. соч. С. 165.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. С. 256.

⁵⁶ Соловьев Л. Н. Указ. соч. С. 165.

⁵⁷ См.: Фролов Г. Как появилась магическая семерка. С. 115 — 122; Патаридзе Р. М. Грузинское письмо «асомтаврили». С. 107 — 108, 131.

⁵⁸ Джанашиа Н. С. Религиозные верования абхазов. С. 77—78.

происходят, как правило, на стыке семи дорог («бжьы-мшак ахьеихагалу»).

Следует указать и на то, что у абхазов для обозначения тяжести какого-либо груза в качестве примерной единицы веса употребляют выражение «груз семи мулов» («бжьгуыжьк реидара»).

Небезынтересно также отметить, что в абхазском языке преисподняя (ад, тартар) называется описательным словом «бжьрабыжьца», что можно перевести как «семижды пересеченное» (место или дорога).

В абхазском и убыхском фольклоре также часто фигурируют семь братьев, семеро великанов и т. д.⁵⁹

Примеров можно привести множество, но сказанное позволяет допустить, что число кругов, а именно семь, нанесенных на стене грота Агца, совершенно неслучайно и находится в прямой связи с абхазской народной традицией.

В одном из кругов грота Агца изображено оружие. Оно представляет собой предмет в виде железных вил с расходящимися под острым углом кинжалообразными лезвиями. Этот предмет считают культовым оружием, посвященным святому Георгию (т. н. «бордзали», «абырзал»), которое хранилось в церквях Западного Закавказья⁶⁰.

Справа, возле кругов, нанесено изображение руки с раздвинутыми пальцами и крестом в середине ладони. Локтевая часть руки покрыта своеобразным узором в виде множества ромбиков, образованных из пересекающихся под прямым углом линий⁶¹.

По мнению Л. Н. Соловьева, это — женская рука, скопированная с натуры самой же опытной исполнительницей надписей⁶². Правее изображения руки имеются большой и маленький кресты одинаковой формы и знак, передающий сокращение — «Святой Христос».

Ученый рассматривает здесь «следы какого-то тайного культа, к которому была причастна женщина»⁶³.

В верхнем поясе грота Агца особенно привлекает внимание повторяющаяся в некоторых кругах и вне круга грузинская надпись из одного слова, состоящего из трех букв. В ней все три буквы соединены наверху горизонтальной чертой, левый конец которой составляет органическую часть первой буквы. Надпись выполнена средневековым грузинским алфавитом, в частности, его графической разновидностью «асомтаврули», т. е. круглым, заглавным письмом.

Все изображения и повторяющаяся надпись верхнего слоя Агцинского грота рассматриваются как христианские памятники средневековья⁶⁴. Л. Н. Соловьев их, в частности надпись, относит к середине раннего средневековья. «Датой памятника, — пишет он, — можно было бы принять VII — VIII вв., что подтверждается временем широкого употребления «асомтаврули» и формой сирийского креста, характерной для VI — VII вв.»⁶⁵. По его мнению, надпись следует читать справа налево и осмысливать как «хед» (груз.) — «смотри»⁶⁶.

Позволим себе возразить, в первую очередь, против такой датировки памятника. Во-первых, вид грузинского письма «асомтаврули» употреблялся, как известно, в течение длительного времени, особенно для начертания на камне в период всего средневековья. Кроме того, в первых веках раннего средневековья Абхазия, на территории которой находится грот Агца, в религиозном отношении (Абазгская автокефальная епархия) подчинялась Константинопольскому патриарху. Следовательно, в этой стране господствующее положение занимали византийская церковь и греческая письменная традиция, именно поэтому мы не имеем здесь таких ранних памятников грузинского письма. Наиболее древние грузинские надписи, засвидетельствованные на тер-

⁵⁹ «Старик и великан». — Журн. «Алашара», 1986, № 11. С. 110 — 113.

⁶⁰ См.: Соловьев Л. Н. Указ. соч. С. 166.

⁶¹ Там же. С. 166 — 167.

⁶² Там же.

⁶³ Соловьев Л. Н. Указ. соч. С. 168.

⁶⁴ Там же. С. 168.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

ритории Абхазии, как хуапская, бедийская, лыхненская, царчинская, гумуришская, илорская, речхо-цхирская, анухвская, по мнению палеографистов, датируются в основном X — XI веками. Все сказанное дает нам основание и агцинскую грузинскую надпись, вместе с синхронными в этом гроте изображениями, датировать X — XI веками.

Неубедительно высказывание Л. Н. Соловьева и о том, что надпись следует читать справа налево, ибо в истории грузинской письменности подобная практика не встречается; если даже так, само слово «хед» не совсем соответствует понятию «смотри». «Хед» является либо частью, основой глагола «хедва», т. е. видеть, смотреть. В повелительном наклонении должно быть: ше-хеде, михеде, дахеде, нахе и т. д.

Известно, что в средневековых надписях такие одинокие слова, причем ничего не говорящие читателю, не встречаются. Надписи делались с определенной целью и замыслом.

Мы предлагаем свой вариант дешифровки эпиграфического памятника в гроте Агца. Думаем, что слово «дех» представляет собой сокращенную передачу трех грузинских слов: д-дацерили («писанная»), е-есе («сия»), х-хели («рука»); т. е. дацерили есе хели («писанная сия рука»).

Слово дацерили («писанное») представляет собой причастие от глагола цера, дацера («писать», «написать»). Однако термин дацерили в древнегрузинской дипломатике означал и письменный документ юридического содержания, подтверждающий передачу права определенному лицу на наследственное владение землей, лесом или другим недвижимым имуществом⁶⁷. В X — XIII вв. всякий юридический документ в грузинской дипломатике именуется термином дацерили, если он не выдан царем. Исходящий же от царя документ называется сигели («грамота»).

Второе слово — есе, совр. ес («сия», «эта») — указательное местоимение.

⁶⁷ См.: Бердзенишвили Н. И. К вопросу о форме землевладения в феодальной Грузии. С. 191-209.

Последнее слово — хели («рука») является именем существительным. Однако этот термин в дипломатике использовался для обозначения письменных документов или материального знака, подтверждающих право юридического лица на то или иное переданное ему имущество. Другими словами хели — это право на собственность и материальный памятник (символ), созданный в знак объявления обладания недвижимым имуществом⁶⁸. Материальный знак, — обычно обработанный камень, плита с надписью или без нее, — поставленный для обозначения границ владения, назывался хели⁶⁹.

В нашем случае словосочетание — дацерили есе хели («писанная сия рука») — представляет собой письменное содержание, написанную основу права на собственность. Собственником могло быть место паломничества, определенное лицо, либо церковь, которые в надписях часто не упоминались, но подразумевались. Не исключено, что грот Агца объявлялся принадлежностью церкви с. Анухва, где были обнаружены и другие эпиграфические памятники.

* * *

Из вышеизложенного видно, что начиная с античной эпохи на территории Абхазии, как и всей Колхиды, довольно широко распространение получает греческий язык. Эта греко-византийская культурная традиция продолжалась до последних столетий раннего средневековья. Эпиграфические памятники этой эпохи, засвидетельствованные в различных экономических и христианских культурных центрах Абхазии (Цебельда, Пицунда, Анакопия и др.), а также некоторые указания письменных источников (Прокопий Кесарийский и др.) подтверждают, что здесь происходил интенсивный процесс взаимообогащения византийской и местной культур, что выявлялось, кроме всего, и в области топонимики. В V — X вв. местные грамотные люди употребляли греческий в качестве официального письменного языка,

⁶⁸ См.: Бердзенишвили Н. А. Указ. соч. С. 135 — 153.

⁶⁹ Синоним хели считался джвари («крест»). Крест, изображенный на скале, иногда считался указателем границы, знаком предел собственности.

языка христианских церковных книжников и гражданского делопроизводства. Не вызывает сомнения то, что верхушечные слои коренного населения Абхазии хорошо владели греческим, являющимся международным языком во всем христианском мире на протяжении многих столетий.

Акад. Н. Я. Марр писал, что христианизированная часть абхазского народа несла с восточнохристианской культурой греческое просвещение⁷⁰.

Приведенные выше греческие надписи, составленные в свое время здесь, содержат значительную, подчас весьма необходимую, ценную информацию по истории культуры и политическому положению Абхазии интересующего нас периода.

Можно утверждать, что византийская грекоязычная письменная культура и в раннесредневековой Абхазии стояла на достаточно высоком для того времени уровне. Между Византией и вассально-зависимыми от нее странами — Абазгией, Апсилией, Мисиминией и Лазикой — довольно часто бывали, как известно, напряженные политические взаимоотношения; однако по всему видно, что повседневность их тесных контактов способствовала плодотворному культурному сотрудничеству, приобщению местных народностей к высокой греко-византийской культуре.

На территории Абхазии имеется также ряд памятников грузинской письменности. Они засвидетельствованы на фасадной плите церкви в селе Хуап, на ктиторских изображениях Бедийского храма, на бедийской золотой чаше, в Лыхненском храме, в Речхо-Цхири, на развалинах храма в Анухва, в гроте Агца, в Гумуриши, Илори, на Анакопийской монете царя Георгия II и т. д. Все они хронологически относятся к X — XI векам. Грузинские эпиграфические памятники, обнаруженные в Абхазии, содержат также значительный материал по истории культуры, дополняя, в известной степени, другие источники об историческом прошлом абхазского народа.

Грузинские надписи в Абхазии свидетельствуют о том, что в конце раннего средневековья здесь грузинс-

кий язык получает определенное распространение. Некоторое время в культурной жизни Абхазии сосуществуют греческий и грузинский языки; затем, по мере создания и укрепления Грузинского феодального государства, здесь грузинский становится языком письменности и христианской культуры. Такое положение не исключало, конечно, использование разговорного абхазского языка в качестве средства общения как внутриабхазской, так и между отдельными этническими общностями, а также в церковном богослужении.

Историки Лакоба С. З. и С. М. Шамба пишут: «Как известно, всякая культура состоит из двух пластов: культуры высших слоев общества и народной культуры. И если грузинский язык получил тогда определенное распространение среди абхазской феодальной знати, то языком народа всегда оставался абхазский»⁷¹. В качестве традиционного языка православного христианства и его письменной культуры продолжал функционировать и греческий⁷².

⁷¹ Лакоба С. З., Шамба С. М. Кто такие абхазы? // «Советская Абхазия». 8 июля 1989 г.

⁷² Известно, что в средневековье все восточное Средиземноморье писало на греческом, официальном языке империи, а языком законодательства до новелл Юстиниана оставался латинский. Сирийский же язык был языком значительных масс населения Ближнего Востока и отражал в своих памятниках жизнь широких слоев населения.

Ни латинский, ни сирийский языки не получили в Абхазии почти никакого распространения.

⁷⁰ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. С. 126.

ГЛАВА III.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ АНТРОПОНИМИЯ АБХАЗОВ И ЕЕ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ.

Личные имена, фамильные имена, отчественные имена, прозвищные имена составляют антропонию любого народа. Известно, что антропонимы и отдельные антропонимические модели формируются в конкретных социально-экономических и политических условиях, в определенной этно-культурной и лингвистической среде, содержат в себе различную информацию, отражают особенности своей эпохи.

В разноразличных письменных источниках поздней античности и средневековья сохранилась часть тех антропонимов, которые бытовали в те времена в Абхазии. К сожалению, имена, которые носили представители широких слоев населения, в исторических сочинениях засвидетельствованы крайне редко.

В раннесредневековом абхазском обществе, как и в любом классовом обществе, личные имена были социально не равнозначны, и сословное противопоставление антропонимов как в количественном, так и в фонетико-морфологическом отношении не подлежит сомнению.

Абхазская антропонимия, как неотъемлемая часть культуры нашего народа, складывалась на протяжении всей многовековой истории абхазов; на ее формирование влияли различные объективные факторы, а языковая принадлежность группы личных имен, т. е. их иноязычное происхождение, обусловлено исторически¹.

¹ В настоящее время близка к завершению наша работа по исторической антропонимии абхазов, охватывающая период с древних времен до конца XIX столетия.

Во все времена абхазский антропонимический репертуар состоял из исконно абхазских имен и иностранных имен местной адаптации. Все они, вместе взятые, составляют историческую антропонию абхазов. С точки зрения географии распространения — бытования абхазские имена можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся имена собственно абхазского бытования.

В письменных источниках засвидетельствован ряд имен, которые носили исключительно отдельные представители правящей в Абхазии династии. Так, имена скифо-сарматского облика Рисмаг, Спадаг, Гозар, Скепарна, как иранские имена в абхазской среде, в антропонимии других народов не встречаются.

Кроме того, такие имена и формы имен, как Финиктиос, Иствине (Юстин), Евфрат и некоторые другие, восходящие, вероятно, к греко-византийским именам, встречаются только как онимоединицы абхазской адаптации. Следовательно, мы считаем, что приведенные выше абхазские имена иранского и греческого происхождения бытовали главным образом в Абхазии.

Во вторую группу можно включить имена, получившие распространение по всей древней Колхиде. Встречающиеся в письменных источниках некоторые абхазские имена бытовали и на территории всей Колхиды. Так, имя легендарного колхидского царевича Апсирт (Апсирта), восходящее, по всей вероятности, к собственно абхазской этнолингвистической среде, предстает перед нами как имя общеколхидского бытования. Более того, Опсит (Опсита), представляющее собой, как нам кажется, позднюю форму древней онимоединицы Апсирт, являлось также традиционным мужским именем в раннесредневековой Колхиде — в Абазгии и Лазике. По свидетельству Прокопия Кесарийского, в VI веке Опсит — имя абхазского правителя, а также одного лазского царя.

Мужское имя Савлак (Савмак), восходящее по своему происхождению к иранским языкам, также столетиями бытовало на территории всей Колхиды. Принято считать, что с ним связано имя Саулак (Саулах), встречавшееся до недавнего времени как у абхазов, так и у мегрелов.

Историчность личных имен Кудж и Гудж (Годж) и факт современного бытования их у абхазов и мегрелов дает основание утверждать, что они с давних времен представляют собой антропони́мы общеколхидской адаптации.

К числу абхазских мужских имен, получивших в свое время распространение по всей Колхиде, можно отнести Хада (Хад), которое носил один из представителей мисимиан в VI веке. На такую мысль наводит нас тот факт, что в современной грузинской антропонимии наличествует имя Хадиа и производное от него родовое имя Хадиа́швили².

По «Дивану царей» пятого царя абхазов звали Барнук. Этим же именем позднее был наречен один из раннесредневековых абхазских правителей (Барнук/Лебарнук). Следовательно, абхазское имя Барнук также бытовало на территории всей Колхиды.

Прозвищное имя отрицательного оттенка — Чала, которым был наречен один из сыновей абхазского царя Георгия II (922 — 957), представляло собой ситуативную анимоединицу как для собственно абхазов, так и для эгрисцев. Данное абхазское слово — а-чала — «бессильный», «подавленный», «омраченный», и в мегрельском (чала) осмысливалось, как «слабосильный», «маломощный» и т. д.

К третьей группе относятся имена общекавказского и Закавказского бытования. В раннесредневековом абхазском активном антропонимическом фонде наличествовали и такие личные имена, которые имели общекавказское распространение. К таковым следует отнести имена иранского происхождения — Баграт, Гурандухт и Адарнас. Престижное мужское имя Баграт интенсивно бытовало как у абхазов, так и у грузин, армян, осетин, вероятно и у адыгов. Женское же имя Гурандухт широкое распространение получило особенно в Грузии и Армении. В Абхазии оно стало традиционным лишь в узком кругу правящей династии, а в широких слоях общества не получило распространения.

² Не исключено, что грузинское Хадиа восходит к арабско-персидскому хади/хадив — «повелитель», «предводитель».

Мужское имя Адарнас также интенсивно бытовало в Армении и Грузии. Это имя носил также один из абхазских царей в IX веке, хотя в абхазском обществе оно не адаптировалось. Бытование ряда общих имен у различных народов Кавказа свидетельствует, наряду с другими фактами, об их интенсивных, традиционных взаимосвязях в области культуры.

В Абхазии рассматриваемого периода была известна следующая группа имен, которые являются общими для сравнительно больших регионов. К таким именам мы относим Анос, Туана и др.

Имя первого абхазского царя Анос, имеющее иранское происхождение, в различных формах бытовало в Армении (Ануш), Алании (Анус), Персии (Ануширван) и Византии (Анос).

В разноязычных письменных источниках засвидетельствованы антропони́мы и топонимы, обнаруживающие близкое фонетическое сходство с абхазским именем Туана, зафиксированным у племени мисимиан византийским историком VI в. Агафием Схоластиком. Подобный материал свидетельствует, что имя Туана (или Фиана) в различных вариантах имело применение у ряда народов, преимущественно — ираноязычных.

Наконец, в пятую группу входят общехристианские имена. Раннесредневековая абхазская официальная каноническая антропонимия служит дополнительным подтверждением того, что Абхазия являлась органической частью христианского мира, страной греко-византийской геополитической и культурной сферы влияния. Принятые в Абхазии того времени такие имена, как Феодор (муж.), Феодора (жен.), Константин, Евстафий, Феодосий, Дмитрий, Леон, Георгий и др. представляет собой активные анимоединицы общехристианского именного фонда. Известно, что мужское имя Леон в различных формах лингвистической адаптации бытовало у византийцев (греков), грузин, армян, французов, англичан, немцев, русских и др. А личное имя Георгий, ставшее традиционным и среди абхазских династов, имело широкое бытование как в православных, так и католических странах — в Алании, Англии, Армении, Болгарии, Византии, Германии, Грузии, Испании, Италии, Польше, России, Франции и др.

Известно, что в процессе именования детей важную роль играет мотивация. У абхазов, как и у других народов с развитой антропонимической системой, в основе выбора имени лежала его мотивация. Вообще установлено, что основными мотивами для выбора имени считаются: необходимость именовать; желание назвать ребенка словом с положительной семантикой, или дать имя человека с хорошей репутацией в обществе; вера в охранную силу имени; желание именовать детей в семье однотипными созвучными именами³.

Недостаточность материала по исторической антропонимии абхазов, к сожалению, не дает возможность проследить в полном объеме, как руководствовались народные массы перечисленными мотивами именования. Вместе с тем, по имеющимся данным видно, что господствующая знать особое значение придавала эвфонии, т. е. благозвучию имени, удобства его произношения, мелиоративности смыслового содержания. Если же ретроспективно использовать современную антропонимическую модель абхазов, то получится, что народные массы вопросы именования во все времена решали на основе общечеловеческих стандартных условий мотивации. Личное имя не только называло, но и характеризовало человека. В собственных именах закреплялись те или иные моменты семейной жизни, сопровождающие появление на свет ребенка, отличительные черты наружности, поведения, характера новорожденного. Собственные имена давались также с прогнозом на будущее, как бы предопределяющие дальнейшую судьбу ребенка⁴. В ряде случаев имена, мотивированные прозрачно-положительной смысловой символикой, присваивались без учета соответствия семантической «нагруженности» с качествами носителя; и все же нередко наличествовала некоторая логическая основа и различные побудительные причины для именования по данному мотиву.

В антропонимии абхазов слова-апеллятивы, служа-

³ См.: Сельвина Р. А. Калмыцкие личные имена. С. 87—89.

⁴ См.: Кеца Б. К. К изучению абхазской антропонимии. С. 96.

щие основой как для исконных, так и для заимствованных имен, имеют, как правило, положительный оттенок. Личные имена, сохранившие семантику, имея определенную связь с нарицательными именами, обычно указывают на личные качества человека, имеющие часто условно-символическое применение. Исключение составляют прозвищные, ситуативные имена пейоративного оттенка (Чала, Слепой, Изгнанник и др.), которые содержат в себе отрицательную семантику.

Известно, что у многих народов мира при выборе имени часто диктовала мистификация: желая видеть ребенка сильным, здоровым, бессмертным, называли его камнем, кремнем, железом, сталью и т. д.

Среди древних исконно абхазских и заимствованных имен имеются такие антропонимы, в основе происхождения которых присутствуют элементы мистификации. К числу подобных имен мы относим: Барнук — «сын камня», Апсирт (Апсирд), Анос — «бессмертный», Леон — «лев», Евстафий — «стойкий», «твердо стоящий», Константин — «твердый», «постоянный» и др. Принято считать, что одной из основных функций личного имени является ритуально-харизматическая, призванная ограждать носителя имени от злых духов, или наоборот, продемонстрировать покровительство доброго духа и т. д. В именнике правителей и царей Абхазии наличествуют и такие «охранные» имена-кинуимы; Феодор, Баграт, Скепарна, которые призваны были спасти их носителей от болезней, способствовать их долголетию, придать им здоровье, сверхъестественную силу, небесные блага и т. д. Таким образом, в абхазской действительности личные имена высокопоставленных лиц имели не только социально-различительную, но и ритуально-харизматическую функцию.

У абхазов, при именовании детей, особое внимание придается эпифорным, т. е. однотипным, созвучным именам (еихаршалоу — ахьыжкэа). Созвучно-благозвучными именами нарекают, в первую очередь, близнецов. Эпифорные имена встречаются как в устном народном творчестве (Ацыни Кэацыни, Хэакьей Сакьей, Нарт Сит ица Хахсит), так и в практическом бытовании (Хыгэи Нагэи, Тахэи Трахмани, Елкани Торкани).

По всей вероятности, созвучный мотив имено-

вания представляет собой древнюю народную традицию, однако эпифорность — не характерное явление для династии владетелей и царей Абхазии. По их именам, засвидетельствованным в средневековых письменных источниках, видно, что правящие круги никогда не придерживались данного принципа.

В высших кругах абхазского феодального общества было принято именовать детей, особенно — наследников престола, по имени человека с общеизвестной репутацией, или прославленного предка, как правило, деда или прадеда. Передавая имя предка наследнику престола, именующие исходили, в первую очередь, из исключительно положительных качеств личностного характера прославленного деда, прадеда, прапрадеда. Такие памятные, меморативные имена-посвящения, связывающие носителя имени с обозначенным в его имени другим человеком или божеством⁵, бытовали во многих странах мира. Однако т. н. меморативный мотив именования, которого придерживалась знать, не был характерным явлением для низших социальных слоев абхазского общества. Подобное расхождение в мотивации именования было обусловлено, как видно, социальной поляризацией феодального общества.

Важным вопросом в системе личных имен является этимология, подразумевающая выяснение, исследование, установление смыслового значения слов, образующих личное имя, псевдо-фамилию, кличку и т. д. Наши этимологические разыскания-предположения, отнюдь не претендующие во всех случаях на установление истинного значения рассматриваемых имен, преследуют цель — выяснить, в первую очередь, языковую принадлежность того или иного пласта исторической антропоники абхазов, затем проследить получаемую информацию этно-культурного характера.

По имеющемуся материалу видно, что ряд личных имен античности и раннего средневековья этимологизируется с помощью абхазского языка. К таковым относятся: Апсирт, Опсита/Апсит, Хадо/Хада, Барнук, Чала.

⁵ См.: Никонов В. А. Имя и общество. С. 101.

Апсирт и Опсита/Апсит, возможно, восходят к племенному названию апс (апсил), ставшему затем основой самоназвания абхазов-апс-апс-уа (Абсуа)⁶.

Личное имя одного мисимийского вельможи VI века — Хадо или Хада на абхазском языке означает «глава», «предводитель», «военачальник».

По этимологии имени одного из абхазских царей — Барнук — могут быть предложены различные варианты. Однако, мы больше склонны думать, что оно происходит от абхазо-адыгских языков и осмысливается как «сын камня».

Прозвищное имя сына абхазского царя Георгия II — Чала имеет довольно прозрачный абхазский этимон отрицательного оттенка — «бессильный», «подавленный».

В исторической антропоники абхазов представлен целый ряд имен еврейско-библейского, латино-романского и греко-византийского происхождения. Абсолютное большинство из них представляют собой имена общехристианского бытования, этимологическое значение которых давно установлено в науке. К категории рассматриваемых имен относятся: Георгий — «земледелец», Леон — «Лев», Василий — «царь», «царственный», Андрей — «смелый», «отважный», Николай — «народный победитель», Евгений — «благородный», Евстафий — «стойкий», «твердо-стоящий», Дмитрий (Деметра) — «земля-мать», Феодор — «божий дар», Феодосий — «посвященный богу», Иоанн — «божья милость», Михаил — «богообразный», Юстин (Иствине) — «справедливый», Марин — «морской», Константин — «твердый», «непоколебимый», Юлиан — «принадлежащий Юлию» и др.⁷

Известно, что в исторической и ныне бытующей абхазской антропоники присутствует ряд имен, образованных на материале иранских языков. Этимология мно-

⁶ Не исключено, что в имени Апсирт/Апсирта мы имеем абхазское словосочетание апсырда-апсрада-«бессмертные», «бессмертный».

⁷ К числу рассматриваемых христианских имен относятся засвидетельствованные в Колхиде, в т. ч. в древней Абхазии, следующие имена: Симон, Аэрий, Евфрат, Орентий, Маласс, Анхнал, Страфил, Финиктиос, Стахемфак, Аристарх и др.

гих из них уже установлена: Адарнас — «прославленный» или «огненный», Рисмаг — «боевой товарищ», «соратник». Спадаг⁸ — «обладатель войска». Фарсман /Фарасманий — «обладатель персидской души», Кудж — «собака», Савлак — «смуглый», имеющий черный облик (в смысле «суровый»), Гурандухт — «дочь Гурана», Баграт — «божий дар» и др.

Мы попытались установить смысловое значение некоторых иранских имен абхазской адаптации. Не вдаваясь в подробное рассмотрение вопроса, здесь коротко укажем, что личное имя первого абхазского царя — Анос в среднеперсидском и осетинском языках осмысливается как «бессмертный», «вечный». Имя же абазгского правителя VI века — Скепарна — «обладатель сакской благодати» (?).

Пока не ясна этимология некоторых древнеабхазских имен, носящих явно выраженный иранский облик. К таковым относятся: Туана, Ригвади (Ригвадин), Гозар и др.

Абхазский антропонимический материал красноречиво свидетельствует о том, что «семантика именований почти не зависит от различий языков. Мужские имена, означающие силу, смелость, власть, обычны у большинства народов мира; различия обусловлены не языками, а исторически сложившимися условиями жизни народа»⁹.

Для «внедрения» заимствованного имени в иноязычную среду, особенно в начальный период его функционирования, важным моментом следует считать этимологическое значение, которое было у каждого имени. Семантика слова, образующего имя, в первоначальный период способствовала популярности и устойчивости его бытования в новой среде. По нашему убеждению, совершенно не случайно, что ряд абхазских имен, имеющих либо греческое, либо иранское происхождение,

⁸ По мнению Е. К. Аджинджала Рисмаг и Спадаг созвучны с такими современными абхазскими именами, как Дамагу, Расмаху(?); Абзагу, Тахуахуа, Спадаку(?), Гадракуа. (Аджинджал Е. К. К вопросу проникновения христианства в Абхазию. С. 165).

⁹ Никонов В. А. Имя и общество. С. 8 — 9.

часто совпадают по смысловому значению. Так, Баграт, (иран.) и Феодор (греч.) означают «божий дар»; Савлак (иран.) и Евстафий (греч.) осмысливаются как «стойкий», «отважный», «суровый». А некоторые исконно абхазские фиктонимы, исторические имена и фамилии — Абраскил, Барнук, Хэхуба (Хэхэбеа) — связаны с камнем («сын камня»).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что у абхазов как при образовании национальных, так и при выборе заимствованных имен большое значение придавалось смысловому содержанию слов, образующих личное имя. Имя же, в свою очередь, приобретает значение только в результате установления соотношения с объектом.

Вместе с тем известно, что для долговременного функционирования имени чаще безразлично его этимологическое значение, жизнь которого несравненно короче жизни самого имени¹⁰.

История развития системы абхазских личных имен подтверждает, что этимологическое значение имени со временем становилось совершенно не обязательным для употребления личного имени, для передачи его поколениям. Ряд самых престижных иноязычных имен долго сохранял свою семантику, другие же через определенное время теряли этимологический смысл. Ведь в современном активном именном фонде абхазов имеется множество старых имен с забытой этимологией.

Как известно, существуют различные формы бытования личных имен: каноническая, документально-литературная, разговорно-бытовая, ласкательно-уменьшительная (гипокористическая) и т. д.

У многих народов мира, в том числе у русских¹¹, христианские имена имеют специальную каноническую форму, которая в большинстве случаев бывает противопоставлена литературной или документальной форме. Так, каноническая форма Иоанн противопоставляется литературной Иван. Аналогично, в некоторых сообще-

¹⁰ См.: Никонов В. А. Имя и общество. С. 1 — 2.

¹¹ См.: Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен. С. 6.

ниях письменных источников, главным образом грузинских, касающихся Абхазии, иногда форме Иоанн (груз. Иоане) противопоставляется Иоване, Леону — Леван и т. д. В абхазской же бытовой форме эти имена производятся как Иуана и Леуан. В отношении определенного круга лиц Абхазии (титулованные особы, духовные лица) письменные памятники употребляют, как правило, каноническую форму имени с титулом: Иоанн Бедийский¹², Куропалат Георгий и т. д. Следует предположить, что группа греко-византийских христианских личных имен, принятых в кругах высокопоставленных светских и духовных лиц Абхазии — Георгий, Константин, Феодосий, Леон, Евгений, Евстафий, Иоанн, Стратофил, Дмитрий, Феодор, Юстин и др. — в простонародном абхазском бытовании подвергались изменениям в соответствии с нормами абхазского языка, как-то Гьаргь, Тедра, Федос, Леуан, Авгения, Иуана, Дырмит и т. д. В грузинских письменных памятниках греческие имена абхазской адаптации засвидетельствованы в грузинской форме: Теодоси, Теодосе (Феодосий), Гиорги (Георгий), Леван (Леон), Андриа (Андрей), Финиктиос (Филиктос), Деметре, Димитри (Дмитрий), Теодоре, Тевдоре (Феодор), Иствине (Юстин) и др.

В настоящее время уже почти невозможно установить формы бытования ряда иноязычных имен, которые бытовали в древней Колхиде и Абхазии: Орест, Оrentий, Маласс, Стахемфак, Евфрата, Аэрий, Анхилл, Марин, Юлиан и др.

Некоторые иранские имена — Баграт, Губаз, Гозар и др. — в абхазском бытовании не претерпели существенных форменных изменений. Ряд же исторических и ныне бытующих абхазских имен, образованных на материале иранских языков, в абхазской адаптации подверглись значительным изменениям. К примеру: Ардашыл (Ардашир), Жэраб (Зохраб, Зураб), Цьансыху (Джансукх), Джарнас (Адарнас), Темраз (Теймураз) Манча (Манучар), Бакура (Бакур) и т. д.

¹² Он носил также титул патриаршего клирика-Синкелл («Иоане Бедиели, архиепископоси, свингелози»).

Неизвестными остаются местные формы бытования ряда абхазских документальных имен иранского облика — Анос, Рисмаг, Гурандухт, Спадаг, Скепарна и др.

Установление времени и условий появления в абхазском именнике различных пластов иноязычных имен — важнейшая задача нашей антропонимики. Уже известно, что исторический и ныне бытующий абхазский антропонимический фонд состоит из исконно абхазских (абхазо-адыгских), иранских, греко-византийско-романских, картвельских (мегрело-грузинских), восточно-мусульманских, т. е. арабско-персидско-турецких, славяно-русских имен. Данные антропонимические пласты дают приблизительное очертание общественно-политической, этнокультурной жизни, языково-контактных аспектов страны и народа на протяжении длительного исторического периода.

В первую очередь о собственно абхазских именах следует коротко отметить следующее. Активная языковая деятельность абхазского народа тесно и непосредственно связана с областью имятворчества. Исследователи отмечают, что значительная часть абхазской антропонимии возникла еще в языческую эпоху, вне влияния христианской и мусульманской религий¹³. К сожалению, широко бытовавшие в народе многочисленные исконно абхазские, в том числе языческие, имена не отражены в письменных памятниках. Большей частью они встречаются в устном народном творчестве.

До сих пор бытуют личные имена, которые считаются очень древними¹⁴. Здесь же следует отметить, что к древним именам относятся онимоединицы этнического определения. Так, у абхазов бытует имя Едыгъа (Едгъи-«адыгеец»), а у адыгов встречается личное имя Абаза (Абазэ), образованное от древнеабхазского этнонима абасг/абазг¹⁵.

Уже отмечалось, что одно из древнейших, письменно засвидетельствованных древнеколхидских имен — Ап-

¹³ См.: Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии. С. 70.

¹⁴ Акад. Н. Я. Марр в статье «Из лингвистической поездки в Абхазию» (1913 г.) приводит ряд таких имен.

¹⁵ Коков Д. Н. Вопросы адыгейской (черкесской) антропонимии. С. 182.

сирт/Апсирта, — встречающееся в сказании об аргонавах, связано с абхазским этнолингвистическим миром. Кроме того, по разновременным письменным памятникам известно несколько имен, которые мы рассматриваем как подлинно абхазские. К таковым относятся: Хада, Опсит, Барнук, Чала, Лаша, Сорех (Шзарах), Цандиа (Цандиа Иналипа), Пчкул (Пчкул Амаба), Зегнак, Куап, Сустар, Пото/Пота, Хутына и др.

Подавляющее большинство засвидетельствованных в источниках человеческих имен абхазов в силу определенных исторических обстоятельств оказались заимствованными из других языков. Подобная антропонимическая ситуация является результатом ареальных и историко-культурных контактов и взаимовлияний, а не следствием лингвистическо-субстрактных отложений в абхазском языке.

В колхидско-абхазской антропонимической системе с древних времен до наших дней представлена целая группа личных имен, происходящих из этнолингвистической среды ираноязычных народов — как персов, так и скифов, сарматов, аланов, осетин¹⁶. Эти имена в абхазский именник проникали в различные исторические эпохи как непосредственно от самих иранских языков, так и через посредство грузинского, армянского и турецкого языков. Среди исторических и бытующих в настоящее время абхазских имен, восходящих к иранским языкам, выделяем следующие: Аббас, Адарнас, Анос, Ардаван, Ардашил¹⁷, Баграт, Бакура, Бида, Гозар, Губаз, Гулиза, Гурандухт, Джансух, Зураб, Кудж/Гудж, Манча,

(Манчар), Тердет, Набарнуг, Рисмаг/Ресмаг, Савлак, Скепарна, Спадаг, Темраз, Туана, Ушанги, Фарасманий и др.¹⁸

Истоки иранских заимствований в колхидско-абхазской антропонимии относятся к древнему периоду. Их можно проследить и в устном народном творчестве абхазов. Так, элемент скил, присутствующий в имени абхазского мифического героя Абрскил (Абра-скил), хорошо известен у ираноязычных народов. Так, Скил («Скилес»), образованный царь скифов. А Скилурос — скифский царь в Таврическом Херсонесе.

В научном кавказоведении хорошо известно, что с точки зрения давнишних и долговременных тесных этно-культурно-языковых контактов между скифо-сармат-аланскими и абхазо-адыгскими народами значительный интерес представляют фиктонимы в нартском эпосе. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этих во многом спорных имен, хотим обратить внимание на одно обстоятельство. Личное имя пастуха абхазских нарттов — Зартыжв (Зартыжэ), как нам кажется, носит иранский облик и, возможно, фонетически оно связано с Заратуштрой — именем пророка, реформатора древнеиранской религии (между X и VI веками до н. э.) и составителя древнейшей части «Авесты».

Показательно то, что согласно сказаниям о нартах, Зартыжв — не просто пастух, а человек, наделенный волшебными физическими данными, вследствие чего и предстает перед нами фактическим отцом Сасрыквы — главного культурного героя эпоса. Если эпическое имя Зартуж (Зартуш?) представляет собой усеченную абхазскую форму иранского религиозного имени Заратуштра, то первоначальные истоки иранских антропонимических заимствований в Колхиде относятся к первой половине первого тысячелетия до н. э. Очевидно, разносторонние иранско-колхидские взаимоотношения уста-

¹⁶ Иранские племена и их языки с первой половины первого тысячелетия до н. э. занимали территорию современного Ирана (мидийцы, персы), Среднюю Азию, пространство на север от Каспийского и Черного морей. По фонетическим и некоторым другим признакам иранские языки делятся на две большие группы: восточная (или северо-восточная) и западная. Скифо-сарматские наречия, которые в настоящее время представлены осетинским языком, относятся к северо-восточной группе, распространенной в древности от Сыр-Дарьи до Дуная. (Грамматика осетинского языка. I. С. 11—12).

¹⁷ От персидского Ардашир — «благая власть».

¹⁸ Не исключено, что абхазская форма обращения старшего к младшему «дад» связана с иранскими языками. Бытует персидское мужское имя Дад («справедливость»); а таджикское имя Дада осмысливается как «дед», «дедушка». (Гафаров А. Г. Имя и история. С. 142).

навливаются еще в период существования Мидийского царства, которые более интенсивными становятся в эпоху Персидской державы Ахеменидов (VI — IV вв. до н. э.).

По сообщению Геродота видно, что в сферу политического влияния Персидской державы, наряду с другими народами, входили «...колхи», а также и соседи их до Кавказского хребта...»¹⁹.

Такие имена древнеколхидских царей, как Савлак, Кудж и др., относящиеся к ранней античности, связаны вероятно, со скифской эпохой и ее влиянием. Как известно, ираноязычные скифские племена в первом тысячелетии до н. э. кочевали в степях от берегов Черного моря до Средней Азии и Сибири. Скифы оставили заметный след в материальной и духовной культуре многих народов Кавказа, в том числе абхазов. О скифско-сарматско-абхазских языковых встречах писал еще акад. Н. Я. Марр, рассматривая происхождение некоторых этнонимов и топонимов Абхазии²⁰.

Ученый считал, что скифы, наряду с кимерийцами, внесли значительный вклад в топонимию Черноморского побережья²¹. Действительно с раннеантичной эпохи между ираноязычными племенами и населением Колхиды сложились такие политические и культурные связи, которые предопределили обмен материальными и духовными ценностями, в частности, они способствовали бытованию среди высокопоставленных лиц абхазов личных имен скифо-сармато-аланского происхождения²².

По мнению проф. В. И. Абаева, скифские, сарматские и аланские племенные образования, в которые входили и предки осетин, внесли существенный вклад в культурное развитие юга России и Северного Кавказа в древний период²³.

¹⁹ Цит. по книге: Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. С. 236.

²⁰ Марр Н. Я. Абхазоведение и абхазы. С. 225 — 255.

²¹ Марр Н. Я. Сухум и Туапсе. С. 214 — 224.

²² См. также: Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии. С. 70 — 71.

²³ См.: Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. 1. С. 4.

В ряде мест Кавказа, в том числе Абхазии, обнаружен значительный археологический материал, подтверждающий наличие на обозначенной территории локальных поселений иранских племен с ярко выраженными памятниками скифской и сарматской культуры. Страбон и Плиний (I век до н. э. — I век н. э.) локализуют некоторые потоки сарматских племен близ Диоскурии. В эшерском городище и в селе Куланурхва были найдены скифско-сарматские боевые оружия и другие предметы, свидетельствующие о торговых связях этих племен с предками абхазов.

Естественно, что и в области духовной культуры происходил процесс взаимообогащения. В позднеантичный период (I — V вв. н. э.) на территории Абхазии проследживается культурное воздействие ираноязычных народов на местное население. Так, известные имена правителей отдельных абхазских народностей во II веке н. э. — Ресмаг (абазгов) и Спадаг (санигов) являются заимствованными из иранских языков северо-восточной группы. Вместе с тем в означенное столетие один правитель апсиров носит римское имя — Юлиан. Как уже отмечалось, указанные имена высокопоставленных лиц косвенно свидетельствуют о столкновении в Абхазии культурного влияния ирано-язычных сарматов и римского политического господства²⁴.

Ряд личных имен абхазских правителей, которые хронологически можно отнести к рубежу античности и раннего средневековья²⁵ (Анос, Скепарна, Туана, Гозар) свидетельствует о том, что в означенную эпоху Восточное Причерноморье представляло собой территорию, где все интенсивнее происходили культурно-языковые встречи абхазо-адыгского населения с ираноязычными народностями. Подобные взаимопроникновения становились устойчивыми и традиционными, благодаря и тер-

²⁴ См.: Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии. С. 71.

²⁵ Деятельность абхазских царей Аноса и Гозара Е. К. Аджинджал справедливо относит к концу V в. н. э. Однако он не совсем точен, когда Скепарну, Опситу и Марину считает деятелями конца поздней античности. (См.: Аджинджал Е. К. Из истории абхазской государственности. С. 7 — 9)

риториальному соседству аланов-осетин с абхазами. В V-VI вв. иранское культурное влияние, следы ираноязычных народностей прослеживаются не только в антропонимии Абхазии, но и в ее изобразительном искусстве. Так, в ряде мест Абхазии найдены предметы скульптуры с сасанидским влиянием. Рассматривая их, искусствовед Л. Г. Хрушкова пишет: «Наличие некоторых сасанидских форм в рельефах из Цебельды — явление общее для скульптуры (как, впрочем и для других сфер художественной культуры, общественной жизни и быта) стран Кавказа в V—VI вв., в меньшей степени в более позднее время»²⁶.

Вероятно, некоторые личные имена, производные на материале иранских языков, в абхазский именник проникли задолго до их письменной фиксации, возможно, в первые века раннего средневековья. К таковым следует отнести, в первую очередь: Баграт, Гурандухт и др.

Следует заметить и то, что ряд иранских имен, ставших известными здесь в раннем средневековье, не адаптировались, не стали традиционными в абхазском обществе. Так, в Абхазии не были восприняты такие имена, как Адарнас, Фарсман, Гурген и др., которые в тот же период интенсивно бытовали в Армении и Грузии.

Следует иметь в виду и то, что иранские имена попадали в Абхазию и через грузинское, а также армянское посредство. По мнению акад. Х. С. Бгажба, через посредство картвельских языков в абхазскую антропонию вошли бытующие и в настоящее время личные имена персидско-иранского происхождения, каковы: Ардашил, Бакура, Бида, Зураб, Манча, Теймураз, Джансух, Ушанги, Гурандухт, Гулиза, Назиа и др.²⁷. Соглашаясь в основном с подобным предположением, в то же время мы не исключаем, что часть иранских имен, в том числе некоторые из вышеперечисленных, могла придти сюда вместе с мусульманством после ус-

²⁶ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 82.

²⁷ Бгажба Х. С. Труды. Книга вторая. С. 202.

тановления в Абхазии турецкого протектората. Ведь известно, что у многих тюркоязычных народов, в том числе у собственно турок-осмалов, преобладают не тюркские имена, а продиктованные иноязычным влиянием, преимущественно арабские и иранские²⁸.

С установлением господства христианской идеологии в раннесредневековой Абхазии и под давлением греко-византийской культуры «ромеев», из активного антропонимического фонда абхазов постепенно вытесняются имена ираноязычного происхождения, за исключением некоторых. Вместе с тем известно, что в средневековье абхазы и аланы поддерживали разносторонние связи; они обменивались не только материальными, но и духовными ценностями. Сказанное предполагает, что имели место достаточно интенсивные антропонимические заимствования между абхазо-адыгами и алано-осетинами²⁹.

Вполне допустимо и то, что в средневековую эпоху некоторые имена северо-восточной семьи иранских народов проникали в Грузию через абхазское посредство, ибо, говоря словами В. И. Абаева, «Абхазия была, пожалуй основным каналом, служившим для связи Грузинского государства с алано-осетинами»³⁰.

В античной и раннесредневековой Абхазии были известны имена — Иоанн, Михаил, Симон и др., имеющие древнееврейское происхождение. В свое время они были восприняты греками, главным образом, из Библии. Подобные имена через посредство древних греков, а затем византийских греков, распространились во многие страны, к числу которых относится, вероятно,

²⁸ См.: Никонов В. А. Имя и общество. С. 6.

²⁹ Известно, что ираноязычные аланы, предки осетин, в начале н. э. пришли в соприкосновение с кавказским языковым миром, ассимилировали некоторые местные племена, которые усвоили аланский язык, но сохранили черты своей кавказской речи. В результате взаимодействия иранского (аланского) языка с кавказским образовался современный осетинский язык; он сохранил свою иранскую основу, но во многом сблизился с кавказскими языками. (Грамматика осетинского языка. I. С. 12 — 13).

³⁰ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. С. 318.

и Абхазия. Очевидно, рассматриваемые имена в Абхазии считались лишь христианскими («греческими») каноническими именами, порой не зная их происхождения, либо не придавая ему значения.

Группа принятых в древней Греции и Византии еврейских имен проникала в Абхазию через посредство византийских греков, поэтому трудно судить об их информированности по еврейско-абхазским историко-культурным связям в древности. К тому же вышеназванные имена еврейско-библейского происхождения никогда не носили правители и цари Абхазии³¹, а являлись лишь именами высокопоставленных представителей духовенства, либо иностранцев, временно пребывавших в Абхазии. В отличие от них, личное имя древнеегипетского происхождения Леон (Лебу), пришедшее к нам также из Византии, считалось престижным именем в династии раннесредневековых абхазских царей.

Древнегреческие имена в разное время интенсивно проникали в языки многих народов мира, в том числе мусульманских. В персидский язык часть греческих имен вошла в послеисламский период в арабизированной форме³².

Как известно, греко-колхидские, византийско-абхазские разносторонние и интенсивные взаимоотношения имеют глубокие корни. Принято считать, что древние греки с Колхидой были знакомы еще во II тыс. до н. э., о чем косвенно свидетельствует классический миф об аргонавтах. В разновременных письменных фиксациях данного памятника в качестве личного имени одного из основных персонажей проходит Апсирт, сын легендарного колхидского царя Айэта. О традиционности имени Апсирт (Апсирта), имеющего, вероятно, древнеабхазское происхождение, свидетельствует тот факт, что оно зафиксировано и в византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в. н. э. «Геопоники».

Важную роль в греко-колхидских разносторонних

³¹ Исключение составляет последний владетельный князь Абхазии Хамудбей Чачба-Шервашидзе (1823 — 1864 гг.), который носил и второе (христианское) имя — Михаил.

³² Кузьмина А. А. Современная персидская антропонимия. С. 8.

связях играли греческие колонии на Восточном Причерноморье — Гиенос, Диоскурия, Фазис и др., основанные в середине I тыс. до н. э. Они способствовали, помимо всего, проникновению в местную среду передовой для того времени древнегреческой культуры. Население же Колхиды, в свою очередь, оказывало определенное влияние на культурно-бытовой уклад греческих колонистов³³.

В означенный период уже происходит процесс греко-колхидского взаимообогащения и в области антропонимии. Именно в античной Колхиде и собственно Абхазии бытовали с различной степенью интенсивности встречающиеся в письменных памятниках многие древнегреческие имена, каковы: Аристарх, Маласс, Анхиал, Стахемфак, Орентий, Стратофил, Андрей и др. Подобные антропонимические факты свидетельствуют, помимо всего, о том, что предки абхазов, как и все население Колхиды, еще в раннюю античность интенсивно приобщались к греческой цивилизации. Аналогичный процесс имел место в Боспорском царстве, где большинство имен царей из династии спартокидов были чисто греческими. Исходя из этого, В. В. Латышев считал, что сарматское население Боспора еще в раннеантичную эпоху приобщалось к греческой культуре³⁴.

Антропонимический материал, наряду с другими источниками, свидетельствует о том, что в Колхиде, на протяжении всей античной эпохи, с переменным успехом соперничают между собой и влияют на местное абхазское и картвельское (лазы, сваны) население греко-римская и иранская культуры. С IV — V веков, в связи с образованием и укреплением Восточноримской (Византийской) империи на Восточном побережье Черного моря преобладающим становится византийское влияние распространяется христианство. Начиная с V в. н. э. все раннехристианские надписи, открытые в Колхи-

³³ См. также: Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. С. 24 — 25.

³⁴ См.: Латышев В. В. Понтика. С. 73.

де, являются греческими, и все имена, упомянутые в этих надписях, тоже греческие³⁵.

Греко-византийские имена в абхазской исторической антропонимии указывают, несомненно, на длительность и интенсивность как экономических, так и этно-культурно-политических контактов между византийской империей и Абхазией.

Христианская церковь Византии, распространив православие в Абхазии при Юстиниане Великом (527—565), присвоила себе монопольное право давать имена по официальному именнику Константинопольского патриаршего престола. Церковно-канонические имена становятся официальными и обязательными, в первую очередь, для высокопоставленных светских и духовных лиц Абхазии. Запрещались, как и везде, древние, языческие имена, хотя народные массы оказывали сопротивление подобным явлениям. Наиболее известные, устойчиво бытовавшие в раннесредневековой Абхазии имена, засвидетельствованные в письменных памятниках, происходят из греческого языка. Вот некоторые из них: Георгий, Феодор, Феодосий, Дмитрий, Евгений, Евстафий, Леон и др. Абсолютное количественное преобладание греко-византийских имен, интенсивное бытование ряда их в династии раннесредневековых абхазских царей, конечно же может быть объяснено христианским вероисповеданием их носителей, степенью интенсивности греко-абхазских языковых встреч, культурной ориентированностью Абхазии на Византию и т. д.

Усилению византийского влияния, и, соответственно, послаблению иранского культурного воздействия на население Колхиды, способствовало, главным образом, то, что длительная и кровопролитная ирано-византийская война завершилась в 70-х годах VI в. фактическим поражением Сасанидского Ирана и восстановлением византийского протектората в Абхазии и Лазике.

По всему видно, что и после политического отложения Абхазии от византийской империи (VIII в.) интенсивные культурно-религиозные и иные отношения между

ними продолжали осуществляться: церковная организация Абхазского царства оставалась органической частью Константинопольского патриаршего престола. Из этого следует, что сохранялось, наряду с другими христианскими канонами, именование людей, главным образом верующих, священнослужителей, престолонаследников, по православным обрядам.

В предыдущих главах уже отмечалось, что представители господствующих сословий раннесредневековой Абхазии, конечно же — духовенства, владели греческим языком. Они не только заимствовали имена византийцев, но и придерживались ряда их антропонимических традиций, о которых будет сказано ниже.

Наряду со сказанным, важно отметить и следующее. В абхазском классовом обществе, как и везде, вся масса имен распределялась социально. К сожалению, сохранившиеся материалы не дают возможности установить реальную картину социальной поляризации имен, ибо в них отражены, главным образом, имена владельцев, царей и священнослужителей. Внеисточниковые же знания, исходящие, в первую очередь, из особенностей социально-экономического и культурного развития Абхазии, а также из «репертуара» ныне бытующих традиционных имен, дают основание утверждать, что в условиях сохранения устойчивых элементов патриархально-родовых отношений христианство, несмотря на известные его достаточно твердые позиции, оказалось не в состоянии искоренить исконно национальный именной фонд, бытовавший в народе. Не сумев полностью контролировать ситуацию в области антропонимии, местная церковь, представлявшая периферийное христианство, порой шла на вынужденный компромисс: допускала в себя некоторые языческие и другие дохристианские народные традиции или их элементы, терпеливо относилась к бытованию ряда древних неканонических имен, в том числе имен иранского происхождения.

Несколько средневековых абхазских имен, засвидетельствованных в письменных памятниках, образованы на материале латинского языка и, следовательно, являются романскими. К их числу относятся: Марин («морской»), Константин («твердый», «непоколебимый»), Юстин («справедливый») и др.

³⁵ Хрушкова Л. Г. Римская традиция и раннехристианские памятники Колхиды. С. 10.

Романские имена в абхазскую антропонию проникали в различные времена, разными путями.

Известно, что в 60-х годах I в. до н. э. Колхида оказалась под политическим влиянием Рима. Между Римским государством и мелкими княжествами Колхиды сложились вассально-сюзеренные политические отношения. Римлянам не удалось превратить местные этно-политические образования абазгов, апсиров, лазов и др. в свои провинции и ограничились лишь признанием их правителями верховной власти римского императора. Местные же правители («цари»), заключая военный союз с Римом и придерживаясь проримской политической ориентации, укрепляли свою власть. Становясь фактически римскими чиновниками, они официально получали романские имена. Так, уже в 30-х годах II в. н. э. одного правителя апсиров зовут Юлиан. Следует предположить, что в то время и другие представители социальных верхов Апсолии носили римские имена. Это означает, что абхазское племя апсиров раньше других колхидских этно-политических единиц оказалось под непосредственным влиянием римлян.

В означенную эпоху постепенно идет процесс ослабления персидского влияния в Колхиде и выживания из местной антропонию имен иранского происхождения. Вместе с тем и само «романское влияние в Абхазии не оставило, строго говоря, сколько-нибудь заметных следов, а уже в раннем средневековье Абхазия... испытывает политическое и культурное влияние Византии»³⁶.

Как известно, в Византийской империи была принята группа древнеримских (латинских) имен — максим, Марин, Константин и др.

Мужские имена Юстин и Юстиниан, к которым восходит, вероятно, письменно засвидетельственная форма имени одного из раннесредневековых абхазских царей — Иствин (Иствине), а также Марин и Константин, в антропонию абхазов могли проникнуть через византийское посредство на ранней стадии византийско-абхазских культурно-исторических взаимоотношений.

Романские же имена Максим (Максимос) и Виктор

(Виктория) в качестве абхазских личных имен в средневековых письменных источниках не зафиксированы. Вероятно, в абхазском обществе они стали бытовать в новое время, через русское посредство.

Грузино-абхазские многовековые и разносторонние связи предполагают взаимообогащение и в области антропонию, особенно между абхазами и мегрелами в эпоху абхазского царства (VIII — X вв.). В разное время исконно абхазские личные имена проникали в антропонию картвелов (сванов, мегрелов, карталинцев). В свою очередь немало грузинских и негрузинских имен через грузинское посредство входило в абхазский именник. Что касается периода раннего средневековья, то в известной по письменным источникам официальной абхазской антропонию означенной эпохи не встречаются исконно грузинские имена. Вместе с тем, весьма возможно, что некоторые иноязычные имена, в первую очередь иранские (Адарнас, Гурандухт, Баграт (?) и др.), в результате династических браков в Абхазию пришли через грузинское посредство.

Кроме того, в раннесредневековых грузинских источниках — историко-литературных памятниках встречаются два-три фамильных имени (псевдофамилии) оттопонимного определения, оформленные с помощью грузинского суффикса происхождения человека-ели: Агцепели, Бедиели и др.

Здесь же следует остановиться на одном весьма существенном, на наш взгляд, моменте. Несмотря на территориальное соседство и разносторонние связи между Абхазским царством и Восточной Грузией, социальные верхи этих стран в раннем средневековье носили совершенно разные имена. Так, в официальных кругах Грузии означенного периода не были известны ставшие традиционными для абхазских династов такие христианские имена, как Дмитрий, Константин, Леон, Феодосий, Феодор и др. Вместе с тем, среди грузин широкое хождение имели библейские, а также некоторые греко-византийские имена: Моисей (Мосэ), Давид, Исаак, Григорий (Григоли) и др., которых не было в Абхазии. В династии абхазских царей также не были приняты бытовавшие в правящих кругах Грузии имена иранского происхождения: Нерсе, Вахтанг, Гварам, Джуаншер и др. Христиан-

³⁶ Цулая Г. В. Об абхазской антропонию. С. 72.

ские имена — Георгий, Леонтий, Ефрем, Дмитрий, Леон, Александр, Ираклий (Эрекле), Василий, (Басили) и др. в качестве личных имен высокопоставленных светских и духовных лиц Грузии преимущественно встречаются начиная с XI века — в зрелое и позднее средневековье. В Абхазии же с XI в. исчезает ряд имен, традиционных в предыдущие времена, каковы: Феодосий, Феодор, Георгий, Дмитрий, Леон, Константин и др. Правда, некоторые из них (Леван, Дмитрий и др.) опять появляются в династии абхазских владетелей в конце позднего средневековья.

Материалы исторической антропониимии абхазов подтверждают, что среди известных нам античных и средневековых имен правящей элиты были особо популярные и менее популярные. Имена, ставшие излюбленными, традиционными и престижными, передавались внукам, правнукам, последующим поколениям. К таким относятся: Апсирт, Барнук, Баграт, Гурандухт, Константин, Леон, Георгий, Феодосий, Дмитрий и др. По всей вероятности, еще в древние времена престижным считалось письменно засвидетельствованное абхазское имя колхидского царевича — Апсирт, бытовавшее здесь в течение около одного тысячелетия и видоизменялось, как-то: Апсирт//Апсирта, Опсит//Опсита.

По всему видно, что из абхазских раннесредневековых имен иранского происхождения в царской династии престижными считались Баграт, и Гурандухт. В означенную эпоху четверо известных нам представителей абхазской царской династии носили имя Баграт. Особые отношения их к данному имени подтверждает и тот факт, что в последние столетия раннего средневековья — в период безраздельного бытования в правящих кругах Абхазского царства греко-византийских христианских канонических имен, Баграт — редкая абхазская онимоединица из Ирано-Мусульманского мира, которая здесь передается из поколения в поколение и продолжает быть популярной. Следует думать, что в то время имя Баграт бытовало и в простонародье. В отличие от него, женское имя Гурандухт, пришедшее к нам, вероятно, через грузинское посредство и обретшее известность при дворе правителей и царей Абхазии, не получило широкого распространения в широких массах.

К числу раннесредневековых абхазских личноцарских престижно-меморативных имен греческого происхождения следует отнести имена: Феодосий, Георгий, Леон и др. В означенную эпоху они являются традиционными, встречаются в качестве протонимов, т.е. именами внуков, правнуков, праправнуков. Следовательно, они, как имена прославленных царей-предков, передавались время от времени не только непосредственным, но и далеким политическим наследникам. Рассмотренные и некоторые другие христианские имена в качестве абхазских имен после X — XI веков не встречаются.

В абхазской антропониимии встречаются немало имен с меньшей интенсивностью бытования. Если исходить из данных письменных источников, то редко, как правило, по одному разу, встречаются имена: Хада, Анос, Гозар, Юлиан, Юстин, Стратофил, Финиктос и др. Вместе с тем нельзя вообще отрицать их распространение, но и нет основания причислить к престижно-традиционным именам. В разновременных письменных памятниках мы встречаем ряд таких имен, которые носили иностранцы, временно пребывавшие в Абхазии, каковы: Фарасманий, Улигаг, Орентий, Евгений, Адарнас, Михаил, Симон, Андрей, Николай, Тердет и др. Следует думать, что подобные имена, хотя и были хорошо известны местному обществу, но не были восприняты.

Наконец, анализ абхазского именного репертуара дает некоторое основание предположить, что в ведущих державах того времени имелась особая категория личных (личноцарских) имен, которые не подлежали заимствованию народами и представителями правящих династий вассально зависимых стран. Очевидно, по таким негласно существовавшим международным правилам, или социально-политическим мотивам обусловлено отсутствие в древнеабхазском именнике официальных кругов ряда имен персидских шахов (Дарий, Хосрой, Кавад), римских властителей (Юлий, Цезарь, Адриан) и византийских и трапезундских императоров (Иммануил, Михаил, Василий, Алексей, Роман, Никифор, Ираклий, Исаак, Андронник и др.).

Исторические имена абхазов по типу простые, производные (Анос, Хада, Дардин, Лаша), сложных имен редко. С точки зрения компонентной структуры тенден-

ция развития абхазской антропонимической системы, связанной с социальными процессами в обществе, состояла в эволюции однословных именований составными. Наши материалы подтверждают, что в абхазской антропонимической модели античного периода преобладала одночленная структура именования. Это значит, что в отношении титулованных особ, высокопоставленных духовных лиц означенного периода было принято употреблять только личное имя (Апсирт, Спадаг, Рисмаг, Юлиан, Евфрат, Анос, Хада, Скепарна, Опсита и др.), без фамильного или отчественного имени.

Известно, что по мере усложнения социальной структуры общества одночленная антропонимическая система перестает удовлетворять идентификационные и коммуникативные потребности коллектива. Для более точного определения лица в обществе в процессе речевой практики вырабатываются именования, состоящие из двух, трех и более антропонимных компонентов³⁷.

Уже в письменных памятниках раннего средневековья встречается, наряду с одночленными именами, двухкомпонентная антропонимическая формула. Стержневым элементом в ней, как вообще в составных именах, является личное имя, которое уточняется отчественным именем, спаянным с помощью патронимического формата — сын:³⁸ Баграт — сын Дмитрия, Константин — сын Георгия и т. д. Другими словами, подобный распространенный способ идентификации лица осуществляется по формуле: личное имя + патроним, соединенные посредством патронимического элемента (сын, дзе, ипа).

В сообщениях письменных памятников, главным образом грузинских, где речь идет об абхазских царях, общий показатель деминутива **дзе** («сын»), занимая в составных именах предпозицию, следует, как в древнерусском³⁹, непосредственно за личным именем опреде-

³⁷ См.: Пахомова С. Н. Русские составные личные имена донационального периода. С. 6.

³⁸ В грузинских источниках показатель деминутива — дзе («сын», «ов», — «ич»); в абхазском языке — ипа («сын», «его сын»).

³⁹ В древнерусском бытовала и другая формула: Иван Федоров сын (Иван Федорович), т. е. личное имя уточняется патронимом на сын, ов/ич.

ляемого лица. Встречается и современная норма расположения компонентов двучленных антропонимно-апеллятивных именований — перемещение номена **дзе** («сын») в постпозицию (Гиорги Багратис дзе — Георгий Баграта сын).

Устная народная традиция гласит, что в абхазском языке патронимический формат ипа (иџа) в древности занимал предпозицию, следуя за отчественным именем, стоявшим на первом месте: Пшкиач иџа Манча («Пшкиача сын Манча»), Нартсит ипа Уасит («Нартсита сын Уахсит») и др. Весьма возможно, что и в ранне-средневековом абхазском обществе двукомпонентные имена, в первую очередь царские, произносились в такой же последовательности (Леуан ипа Дырмит — «Леона сын Дмитрий») и т. д.

К рассматриваемой эпохе относятся засвидетельствованные в письменных памятниках некоторые двучленные антропонимические сочетания, состоящие из личного имени и псевдофамилии — титула оттопонимного определения: Стратофил Питиунтский, Георгий Ахцепский, Иоанн Бедийский и др. Ясно, что в подобных случаях одним из способов двучленного именования является географическая характеристика определяемого лица в сочетании с его личным именем.

Формула — личное имя + топонимное определение именуемого — образовывала в нашей действительности, в основном, антропонимы высших кругов светских и духовных лиц.

Имеются и такие факты, когда в качестве второго компонента двухэлементного антропонимического сочетания выступают этнонимы **абазг/абасг** и **абхаз**, а также производные на их основе термины **Абасгиас** и **Абхазский**. Так, на известной вислой печати один из раннесредневековых абхазских властителей титулован как Константин Абазгский («Константинос Абасгиас»). Письменно засвидетельствованы и следующие компонентные имясочетания: **Леон Абхаз**⁴⁰, **Константин Абхазский** и

⁴⁰ Багратиони Вахушти. История Грузии. С. 789; Абхазия и абхазы... С. 155.

т. д. Подобные двукомпонентные именованья согласуются с формулой: личное имя+этническое (генетивное) прозвание определяемого лица. По-видимому, эти и другие морфологически оформленные вспомогательные элементы именованья следует отнести к классу родовых прозваний, которые доминируют в дофамильную эпоху. После же образования фамильных имен, в эпоху зрелого средневековья, двукомпонентные именованья нормируются, как правило, формулой: фамильное имя+личное имя (Шервашидзе Дардин), или в обратной последовательности (Отаго Чачасдзе, т. е. Отаго Чачба).

В исторических сочинениях встречаются факты, когда к личным именам правителей и царей Абхазии присоединяется порядковый номер: Леон Первый, Леон Второй⁴¹, Феодосий Второй⁴² и т. д. Подобные порядковые числа условно можно отнести к разряду компонентов составных именованья. В ряде случаев личные имена наиболее выдающихся абхазских царей сочетаются с эпитетным словом «мудрый», «великий»⁴³, Георгий Великий⁴⁴, Баграт Великий⁴⁵ и т. д. В подобных случаях эпитет «великий» или «мудрый» осмысливается, как видно, в качестве второго компонента имясочетания определяемого лица.

По периоду XI — XVIII вв. в письменных источниках встречается несколько четко определенных двух- и трехкомпонентных именованья. В большинстве из них уже в качестве одного из компонентов присутствует имя фамильного рода, чего нет в антропонимной модели предшествующего периода, т. е. раннего средневековья.

Следует отметить и то, что в источниках рассматриваемой эпохи компоненты составных именованья располагаются произвольно, не подчиняясь определенным

правилам. Так, в одном документе XII в. правитель Цхумской области именуется двучленным антропонимом — Отаго Шервашис-дзе⁴⁶, т. е. по личному имени Отаго и грузинской формой фамильного имени (Шервашис-дзе).

Аналогично именован и абхазский полководец XIII в. Шервашис-дзе Дардан⁴⁷. Двучленными антропонимными формами являются также засвидетельствованные в разновременных источниках рассматриваемой эпохи следующие именованья: Цандиа Иналдипа (XVI в.), Нармания Шарвашихо, Квап Шарвашидзе (XVII в.), Пчкул Амаба⁴⁸ (XVIII в.), Ламкац Званба⁴⁹ (XVIII в.), Геч Рашид (XIX в.) и др.

Кроме того, встречаются и такие двукомпонентные комбинированные именованья, в которых наличествует два стержневых слова: номен+второй антропоним, являющийся патронимом, каковы: Баграт, сын Георгия, Квап, сын Зегнака и т. д.

По зрелому и позднему средневековью источники фиксируют также ряд трехкомпонентных именованья. Принято считать, что трехчленное именование обуславливалось имущественным и общественным положением денотата, его властью и масштабами регионов его контроля⁵⁰.

По сохранившимся в письменных источниках абхазским материалам видно, что в трехкомпонентных антропонимах сочетаются, как правило, личное имя, отчество и имя с показателем деминутива.

В качестве третьего компонента выступает топонимное («Куабулел») или этнонимное («абхазец») определение, реже — прозвищное имя денотата («Изгнанник», «Эксорированный») и т. д.

В именованьях, состоящих из трех и четырех компонентов, т. е. в многочленных именованьях, составные

⁴¹ См.: Летопись Картли. С. 251.

⁴² Там же. С. 258.

⁴³ Данная традиция была во многих странах мира (Рим, Византия, Россия, Грузия, Армения и др.).

⁴⁴ Летопись Картли. С. 268 — 272; Абхазия и абхазы... С. 75.

⁴⁵ Летопись Картли. С. 281; Абхазия и абхазы... С. 77.

⁴⁶ См.: Абхазия и абхазы... С. 89.

⁴⁷ Там же. С. 104-105.

⁴⁸ См.: Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII — XVIII вв. С. 109 — 110.

⁴⁹ Там же. С. 162 — 163.

⁵⁰ См.: Пахомова Н. С. Указ. соч. С. 7 — 8.

элементы в позиционном отношении располагаются также произвольно: Куабулели Чачас-дзе Отаго⁵¹ (XI в.), Шарвашидзе Дардан абхазец⁵² (XIII в.), Келайш Ахмед-бег Шервашидзе (Чачба) (XVIII-XIX вв.), Хамудбей — Михаил Шарвашидзе (XIX в.) и т. д. Как известно, для номинации абхазских владетелей в позднем средневековье употреблялось два личных имени: магометанское-турецкое и христианско-русское. С учетом этого факта, при наличии двух фамилий (Чачба-Шарвашидзе), их именования следует считать многочленными, что, конечно же, не характерно для простолюдинов.

В настоящее время абхазская антропонимическая система трехчленна: индивидуальное имя+отчество+наследственное (родовое) имя. Однако, отчество, употребляющееся, как правило, в официальных документах, в живом общении абхазов практически исключено; так было и раньше. Бытующее в настоящее время среди определенной части городских жителей обращение по имени и отчеству, принято под влиянием культуры русской речи. По абхазской же исторической традиции принято было обращение к человеку только по его личному имени⁵³. Иногда, при обращении к человеку, перед его именем ставилось слово: уара! (муж.), бара! (жен.) — «ты». Имеется также ряд формул обращения, применяемых в зависимости от возраста лица, степени его почтенности, родственных отношений и т. д.

По словам известного абхазского ученого, поэта и просветителя Омара Бегуаа, проживающего в Турции, у абхазов в древности не было принято обращение к человеку по отчеству и на «Вы». Среди турецких абхазов до сих пор известно старинное абхазское обращение, при котором перед личным именем человека ставится слово ахы/хы — «золото», «золотой» (Хы-Мараса — «Золотая Мараса» и т. д.)⁵⁴.

⁵¹ Летопись Картли. С. 299; Абхазия и абхазы... С. 80.

⁵² Абхазия и абхазы... С. 105.

⁵³ Такая форма обращения принята у многих народов, в том числе — чехов, болгар, поляков, грузин и др.

⁵⁴ Бебия П. Апра Шкуакуа, «Апсны», 1996 г., 27 августа (№ 46 — 49).

В средневековых исторических сочинениях, главным образом грузинских, в качестве одного из определителей личности отдельных абхазских царей за собственным именем следует словосочетание «царь абхазов» («мепе апхазта»); к примеру, Дмитрий — царь абхазов. Вероятно, оно соответствует известному по устно-народной традиции феодально-административному титулу апсха (абх. апсха). В памятниках фольклора засвидетельствовано двухкомпонентное именование — Апсха-Леуан (букв. «Абхазии царь Леон»). Титул Апсха отражал силу власти, степень уважения и популярности титулованного лица. Вместе с тем, сильно спаянный традиционный абхазский термин апсха иногда следует воспринимать как один из элементов двухкомпонентного именования.

Из вышеизложенного видно, что раннесредневековая абхазская антропонимия отличается от античной преобладанием составных, главным образом двучленных наименований над однокомпонентными. В свою очередь употребление двухкомпонентных формул именования характеризуется, вероятно, социальной ограниченностью, ибо сохранившиеся материалы в своем подавляющем большинстве касаются круга высокопоставленных лиц.

В истории Абхазии царский титул (басилевс) входит в обиход со II в. н. э. Однако, властители абхазских этнополитических образований первых веков нашей эры, вассально зависимые от римских императоров, фактически являлись правителями, а не царями. В позднеантичной Абхазии правители отдельных областей страны обладают и следующими титулами: правитель, предводитель, глава, первейший, знатнейший и т. д.

После образования раннесредневекового Абхазского княжества (рубеж VII — VIII вв.) политические руководители этой страны по своему титулу считаются правителями (груз. мтавари), воеводами (груз. эристами), патрикиями (греч.). Этим титулам, возможно, соответствовал абхазский термин ахада или ах (букв. «господин»).

Как известно, во второй половине VIII в. образовалось Абхазское царство. Его создатель Леон II тогда же

ввел титул «царь абхазов»⁵⁵, чему соответствует выше уже упомянутый абхазский термин апсха.

По «Дивану» видно, что царская власть и титул передаются, за редким исключением, наследственно от отца к сыну по старшинству. В исторических хрониках часто внешний феодально-административный титул «царь абхазов», употребленный отдельно, заменял личное имя царя, превращаясь в самостоятельное звание выдающихся деятелей. По фольклорным материалам видно, что титул апсха — олицетворение сильной власти, могущества верховного властителя страны.

Вообще по источникам явствует, что применительно к сильным личностям (Леон II, Георгий II) данный титул приобретал особый смысл и звучание, а в отношении слабых царей (Феодосий Слепой и др.) носил репрезентативный характер. Зачастую титул «царь абхазов» сочетался с личным именем того или иного властителя, выступал в качестве одного из компонентов при полном именовании отдельных царей.

В эпоху позднего средневековья верховный политический руководитель Абхазского княжества носит титул владетеля или владетельного князя Абхазии. Династическое имя (фамилия) владетелей этого периода — Шарвашидзе (абх. Чачба) часто употребляется как однокомпонентное именование владетелей. Шарвашидзе также стало синонимом должности владетеля Абхазии.

В древней Абхазии владетельским и царским потомкам давали имя не сменно, не по возрастам, а пожизненно, хотя в народе практиковалась и многоименность. Нам известны, в основном, единственные, официальные имена, зафиксированные в историко-литературных памятниках. По аналогии других христианских стран, и в Абхазии долгое время должны были употребляться два имени — церковное и мирское. Вероятно, спустя несколько столетий после христианизации начали пользоваться лишь одним именем. Речь идет, конечно, об официальном имени, неофициально два или более имен могли носить многие, в первую очередь, представители

⁵⁵ «Диван абхазских царей» ряд предшествовавших Леону II, правителей тоже считает царями, хотя это не совсем так.

господствующих сословий. В древней Абхазии, как и в других странах⁵⁶, для черни, народных масс употреблялись из собственных имен уменьшительные формы, или так называемые полуименя⁵⁷. В ранних исторических хрониках они не зафиксированы, за исключением некоторых. В более позднее время встречаются подобные имена. Так, во второй половине XVIII в. один из самурзаканских владетелей из династии Шервашидзе-Чачба носил ласкательное имя Хутуниа⁵⁸, игравшее и роль самостоятельного официального имени⁵⁹.

В течение XVI — XVIII вв. в абхазском именнике прочные позиции заняли арабско-мусульманские имена, пришедшие через турецкое посредство. В означенную эпоху здесь сосуществуют исконно абхазские и мусульманские имена. Часто бывало так, что одно и то же лицо именовали двумя именами — абхазским и «турецким».

Начиная с XIX в. абхазские владетели и высокопоставленные чиновники, вступая в политические и культурные сношения с русскими, получали и вторые официальные имена, главным образом из числа принятых в России христианских имен.

В то же время они сохраняли восточные мусульманские имена. Так, ряд представителей династии абхазских владетелей известен по двум именам: Омарбей — Дмитрий, Алибег (Алыбей) — Александр, Сафарбей — Георгий, Хамудбей — Михаил и т. д. Вероятно, некоторые из них носили и третье, исконно абхазское имя. Вместе с тем следует подчеркнуть, что у абхазов в официальном обращении не было и нет указаний на

⁵⁶ См.: Зинин С. И. Очерки истории изучения русской антропологии. С. 4.

⁵⁷ Подобные имена бывают: повествовательно-описательные, презрительные, ласкательно-уменьшительные, положительной или отрицательной окраски.

⁵⁸ Возможно мегрелизированная форма абхазского имени Хута.

⁵⁹ В современном абхазском именнике часто встречаются ласкательные имена и полуименя, значительная часть которых имеет грузинское происхождение: Дата (Дато), Валикуа (Валико), Датикуа (Датико), Чизыкуа (Чичико) и др. Многие из них выступают как самостоятельные имена.

второе или третье имя, как это принято у ряда народов⁶⁰.

С многоименностью связаны и прозвищные имена. В историческом именном ассортименте абхазов присутствуют и некоторые прозвищно-эпитетные имена. Так, в IX в. в Абхазии царил Баграт I, известный также по прозвищу «Изгнанник» (Эксорированный). А в X в. одного из абхазских царевичей прозвали Чалой. Последний же абхазский царь Феодосий (975 — 978) носил и прозвищное имя «Слепой», «Темный».

Сын же грузинской царицы Тамар и Осетинского царевича Давида Сослана — Георгий (грузинский царь Георгий IV (1207 — 1222) носил и абхазское эпитетное имя Лаша («светоч»).

Согласно принятой в антропонимике классификации прозвищ, Чала, Слепой и Изгнанник относятся к маркеру отрицательных (пейоративных) имен. Чала («бесильный», «подавленный»), в частности, указывая на недостатки личнокачественного порядка, представляет собой негативное прозвище презрительной разновидности, передающее меткую, лаконичную характеристику пассивного персонажа⁶¹. «Изгнанник» же представляет собой повествовательно-ситуативное прозвище отрицательной окраски⁶².

Прозвище «Слепой» (или «Темный») также относится к категории описательных имен негативного оттенка, характеризующих персонаж по физическим признакам.

Каждое из приведенных прозвищ индивидуально, не принадлежало предкам, не повторялось, т. е. не передавалось наследственно. Это значит, что все они — прозвища ситуативного порядка. Прозвищное имя Георгия IV — Лаша («Светоч», «Просветитель вселенной»)

⁶⁰ У древних римлян: Марк Тулий Цицерон, Гай Юлий Цезарь; у немцев: Иоган Вольфганг Гете, Эрнест Теодор Амадей, Эрих Мария Ремарк и т. д.

⁶¹ Подобных прозвищ в истории немало: так византийский император Константин V (741 — 775) известен и под прозвищным именем Копроним («Навозник»).

⁶² Аналогичное прозвище имел византийский император Юлиан Отступник (361 — 363).

представляет собой престижно-мелиоративное второе имя, явно содержащее в себе положительный смысл, позитивный оттенок, носящее эпитетный характер с лаконично восхвалительно-возвеличивающим содержанием. Оно также относится к числу индивидуальных (персональных) прозвищ, характеризующих персонаж по внешним физическим признакам, подразумевая и внутренние личнокачественные превосходства.

Выше отмечалось, что средневековые летописцы в отношении отдельных абхазских властителей нередко употребляют такие восхвалительные слова-эпитеты, как «великий», «мудрый», «могущественный» и т. д.

Бытование у современных абхазов теофорных⁶³, этнофорных⁶⁴, зоофорных⁶⁵, фитофорных⁶⁶, астрофорных⁶⁷, метафорических⁶⁸ имен предполагает, несомненно, древнюю традицию именования по этому принципу, хотя достаточными по ним материалами не располагаем.

Известно, что у абхазов, особенно у сельских жителей, до сих пор соблюдается в той или иной степени обычай табуации личных имен старших людей в родстве, а также почтенных старцев в обществе⁶⁹. Во-первых, раньше здесь не было принято называть сына по имени отца ни в правящей династии, ни в простонародье. Невестке не положено произносить официальные имена родителей мужа, его братьев и сестер. Детям не по-

⁶³ Имена, связанные с божествами, религиозными верованиями, обрядами и т. д.

⁶⁴ Имена, происходящие от названий других (соседних) народов.

⁶⁵ Имена, связанные с названиями животных и птиц.

⁶⁶ Имена, восходящие к названиям различных видов растений.

⁶⁷ Имена, образованные на основе названий небесных светил.

⁶⁸ Метафорические имена: Ахра («скала»), Аджир («сталь») и др.

⁶⁹ Некоторые элементы табуации имен сохранились и в других странах: например, у народов Средней Азии старшего брата не принято называть по имени (Гафаров А. Г. «Имя и история», С. 99 — 100). В селах Северной Греции существует обычай называть замужнюю женщину клычкой, образованной от индивидуального имени ее мужа: муж — Николаос, жена — Николена. (Иванов Ю. В. Греки, С. 105).

зволено называть почтенных старцев по имени. Для внуков и внучек также не принято громко и при людях произносить имя деда и бабки.

Данная атавистическая⁷⁰ традиция, как видно, своими корнями уходит к культу старших предков, и, вместе с тем, связана с заботой об охране имени потенциально-го покровителя рода или семьи. Следует предположить, что в широких слоях абхазского общества никогда не придерживались обычая ряда народов — греков, евреев и др., заключающегося в почитании умершего, или живого предка путем передачи его имени потомку⁷¹. Однако, абхазская правящая династия, нарушая эти народные устои, называла царских потомков именами живых и уже умерших дедов и бабушек. Так, внука Баграта I (сына Константина III — 893 — 929), в честь дедушки называли Багратом: Баграт — Константин — Баграт. По письменным источникам также прослеживается определенная традиция унаследования имени Константин через поколения абхазских царей: десятый царь абхазов Константин, сын Федора, был наречен по имени деда по отцу — восьмого абхазского царя Константина (Константин — Федор — Константин). Абхазский царь Георгий II своего сына назвал именем отца — Константин. (Константин — Георгий I — Константин). Он же Георгий II, свою дочь назвал Гурандухт; так звали и мать самого Георгия (Гурандухт — Георгий — Гурандухт). Данное обыкновение раннесредневековых абхазских династий засвидетельствовано и в роду позднесредневековых владетельных князей Абхазии. Известно, что мать последнего владетеля Абхазии Михаила — Хамудбея урожденная Даднани, носила имя Тамар. У самого Михаила была дочь, которую звали также Тамар, по имени бабушки. Кроме того, известный писатель и общественный деятель XIX в. Георгий Чачба — Шервашидзе (1846 — 1918) и его дед (отец матери — Георгий Нико-

⁷⁰ От тюркского слова ата («отец»). Атавизм в переносном значении «старший», «старшинство», восходит к идее об отце, как старшем и главном человеке в роде.

⁷¹ У многих народов был и есть обычай называть девочек в честь бабушек, а мальчиков в честь дедушек их именем.

лаевич Даднани) были соименниками. Подобная практика именования противоречит общепринятой в народе традиции, где одноименность (соименность) соседей однофамильцев и близких родственников не поощряется. Неписанное правило гласит, что личное имя «принадлежит» тому, кто первый (или раньше) был назван им. Поэтому односельчане, кровные родственники, в первую очередь двоюродные и троюродные братья, как правило, не должны были допускать именование своих детей уже бытующими в родстве личными именами. Исключение могло быть только с разрешения, согласия, либо пожелания самого носителя имени. Вероятно, в народе во все времена придерживались приведенной традиции.

С другой стороны по материалам прослеживается, что раннесредневековая абхазская феодальная знать, в первую очередь, правящая верхушка, не всегда придерживалась этой традиции. Так, известно, что абхазский царь Леон II и его двоюродный брат — византийский император Леон IV (Лев Хазар — 775 — 780 гг.) были соименниками. Более того, Леон II носил имя своего родного дяди (брата отца), правителя Абхазского княжества в первой половине VIII в. Леона I⁷².

Имя связывает его носителя с другими носителями того же имени и с той же группой общества, в которой оно принято⁷³. Соименность ряда абхазских правителей и царей различных эпох, особенно же VIII-X вв., не случайна, а намеренна и ее следует рассматривать как традицию, пришедшую извне.

Во многих странах мира, в которых имелись богатые традиции государственности, имя прославленного владетеля передавали политическим наследникам, как славу предка, используя его, кроме всего, в качестве аргумента законности притязаний потомка на престол, желая подражать предшественнику во всем⁷⁴.

В раннесредневековой Абхазии, несомненно, бытовали имена или группа имен, которые «принадлежа-

⁷² См.: «Летопись Картли». С. 251.

⁷³ См.: Никонов В. А. Имя и общество. С. 14.

⁷⁴ Там же. С. 14.

ли» исключительно владетелям, царям и другим представителям правящей династии, феодальной знати и т. д.

В этих кругах бывали и такие случаи, когда детям давали имя дяди со стороны матери. К примеру, Гурандухт, дочь абхазского царя Георгия II, супруга правителя северной части Тао (в юго-западной Грузии) Гургена Багратиони, назвала своего сына Багратором, т. е. по имени одного из своих братьев. В подобном антропонимическом факте, помимо всего, мы усматриваем отголоски древнеобщинного обычая авункулат, устойчиво сохранявшегося и у абхазов, который подразумевает исключительно тесные родственные связи между племянником и дядей со стороны матери.

Несколько слов о военном имени у абхазов. Военным именем считается, как правило, вторичное почетное прозвищное имя, которое в сочетании с основным именем присваивается царю или полководцу по названию местности, где произошло сражение и была одержана победа под его командованием (Дмитрий Донской, Александр Невский и т. д.).

К разряду военных можно отнести, видимо, и такое имя, которое присваивается человеку за храбрость и активное проведение той или иной военной операции⁷⁵.

В активном фонде исторической антропонимии абхазов чисто военно-ситуативных имен мы не встречаем. Вместе с тем засвидетельствован ряд первичных официальных имен властителей Абхазии, которые по своему смысловому содержанию приближаются к военному имени. Личное имя знатнейшего мисимийского вельможи VI в. Хада по своему значению («глава», «предводитель») приравнивается к термину «полководец», «военачальник»⁷⁶. Абхазское имя иранского происхождения Рисмаг («боевой товарищ», «соратник») также

⁷⁵ Например, эпитетное имя известного английского короля XII в. Ричарда I — «Львиное сердце» и т. д.

⁷⁶ По мнению Е. К. Аджинджала, Хада — не имя, а военное звание, т. к. по-абхазски «Ахада» (военный термин) означает начальник, предводитель. (См.: Аджинджал Е. К. Из истории абхазской государственности. С. 7.).

условно относим к числу военно-метафорических имен. Также к категории военных имен приближается Спадаг («обладатель войска») — личное имя правителя абхазского племени санигов во II веке. Вместе с тем вполне понятно, что приведенные имена не вполне отвечают тем требованиям, которые предъявляются к настоящему военному имени.

Женские имена исторически создавались параллельно и синхронно с мужскими именами. Многие исконно абхазские женские имена, бытующие по настоящее время, по-видимому, создавались в античность и раннем средневековье, хотя в письменных памятниках того периода они почти не встречаются. Следы древнеабхазского женского именника частично можно проследить по сохранившимся некоторым языческим именам, часть имен бытует в фольклоре (Сатаней — Гуашья, Гунда — пшдза, Хания и др.), которых здесь не касается. По периоду раннего средневековья мы располагаем весьма скудными материалами по национальным именам женщин. Известно лишь несколько иноязычных имен (Феодора, Гурандухт, Алда), носители которых связаны с историей Абхазии того периода.

В VI в. во время большой войны в Колхиде, некоторое время в Абхазии пребывала супруга Лазского царя, гречанка по национальности, которую звали Феодора. Однако, этим нельзя сказать, что данное имя получило распространение среди абхазов.

Бытование в Абхазии персидского женского имени Гурандухт определяется рамками VIII-X вв. По всей вероятности, оно было популярным именем лишь в узких кругах правящей элиты, привилегированных сословий, и не имело широкого народного бытования.

Алда — имя осетинки, супруги царя Георгия I (1014 — 1027) — не вошло также в именной фонд абхазских женщин, несмотря на то, что некоторое время она, вместе со своим сыном Дмитрием, проживала в Анакопийской крепости.

Наконец, отсутствие абхазских женских имен в раннесредневековых письменных памятниках отчасти следует рассматривать как социальный признак.

Коротко остановимся на некоторых вопросах древней истории абхазских фамильных имен. Известно, что

тотемные названия в качестве фамилий бытуют с давних времен, но в письменных источниках они не зафиксированы, ибо по номинации личности не считались обязательными компонентами именования. Первоначальные же фамилно-родовые имена состояли, вероятно, из пласта терминов, образованных на основе названий местности (топонимов) и мелких племен (этнонимов).

В древних и раннесредневековых исторических источниках еще не засвидетельствованы настоящие абхазские фамилии, они образовались позднее — в XI—XV вв. Очевидно, в течение длительного времени, из-за отсутствия четко определенных фамилных имен, абхазская антропонимическая модель была представлена однокомпонентными и двухкомпонентными формулами, т. е. только личными именами, или отчественными именами в сочетании с личными именами.

Вместе с тем по раннесредневековому периоду мы имеем некоторые зачатки, элементы абхазских фамилий, или термины, выполняющие функции фамилий, а в историческом плане они образовали составные компоненты антропонимий отдельных царей, царевичей и духовных лиц. К примеру: Иоанн Бедиели, Георгий Ахцепели и др. Эти и некоторые другие антропонимы засвидетельствованы в грузинских летописях и поэтому встречаются в грузинском оформлении с помощью формата ели.

В подобных случаях географической характеристики определяемого лица термины «Бедиели», «Ахцепели», «Куабулели» и др. следует рассматривать как прозвищные фамилии гибридной (иноязычно-исконной) конструкции. В них исходной, производящей основой выступают абхазские названия местностей (Ахца — Ахцапы, Бедиа и т. д.): а грузинский формант ели функционально указывает на родовую или территориальную принадлежность носителя данной фамилии. Самое главное все же состоит в том, что они, вышеназванные определяемые лица, являются представителями абхазского общества, в котором и их фамилии имели, вероятно, соответствующее абхазское звучание (Ахцапытэи, Бедиатэи) и т. д.

Следует подчеркнуть, что фамилия топонимного определения в сочетании с личным именем характеризу-

ется, как правило, социальной ограниченностью, т. е. на подобной основе образовывались, главным образом, именования князей и высшего духовенства. Фамилных имен гибридной конструкции, оформленных подобно вышерассмотренным, в абхазском простонародье не бытовало, потому и нет их в современной нашей антропонимии.

К сожалению, нам не известно точное династическое имя абхазских царей в VIII — X вв. До появления фамилии абхазских царей иностранцы титуловали терминами: «Абазгский», «Абхазский», «Абхаз».

По всей вероятности, у абхазов долгое время, в том числе в V — X веках, функции фамилии исполняло патронимическое имя — имя отца, деда или прадеда (эпоним) в сочетании с личным именем определяемого, соединенные через деминутив ипа («сын») или ипха («дочь»). Такие отдельные древние фамилии зафиксированы уже в позднесредневековых источниках (Инал-ипа Цандиа), бытуют они до сих пор (Шат-ипа, Инал-ипа, Дзяпш-ипа, Ина-пха и др.).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. 1. М.-Л., 1949.
2. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь (А. Л.). М. 1885.
3. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь (И. Н.). М. 1898.
4. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. Тбилиси, 1988.
5. Абхазия — не Грузия (Воронов Л. М.). М. Изд-во «Верность», 1907.
6. Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. М., 1953.
7. Агафий Схоластик. О царствовании Юстиниана // Георгика, III.
8. Агрба З. В. Раскопки раннесредневековой базилики в с. Алахадзы Гагрского района // «Мацне» (журн.) № 3. 1972 г.
9. Аджинджал Е. К. К истории абхазской автокефальной церкви // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. Т. I., М. 1991.
10. Аджинджал Е. К. К вопросу проникновения христианства в Абхазию // Труды Абхазского государственного музея. Вып. V. Сухум, 1980.
11. Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // Вестник древней истории (ВДИ). М., 1987. № 3.
12. Аджинджал Е. К. Из истории абхазской государственности. Сухум, 1996.
13. «Алашара» (журн.). 1986. № 11.
14. Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI — VIII вв.). Тбилиси, 1985.
15. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI — XVII вв.), Сухуми, 1959.
16. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
17. Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии, Сухуми, 1986.
18. Апакидзе А. М. Полевые исследования Пицундской археологи-

- ческой экспедиции 1973 г. // Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. Т. I. Тбилиси, 1975.
19. Архимандрит Макарий. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. С-Пб., 1846.
20. Багратиони В. История Грузии. Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1973.
21. Бакрадзе Д. З. Кавказ в древних памятниках христианства // Записки Общества любителей Кавказской археологии. Кн. I. Тифлис, 1875.
22. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
23. Башкиров А. С. Археологические разыскания в Абхазии летом 1925 г. // Известия Абхазского научного общества (АБНО). Вып. IV. Сухум, 1926.
24. Бгажба Х. С. О памятниках письменности в Абхазии. // Труды автора. Книга первая. Сухуми, 1987.
25. Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии // Труды АБНИИ. Т. XXX. Сухуми, 1959.
26. Бгажба Х. С. Некоторые вопросы абхазской топонимики // В книге автора «Этюды и исследования». Сухуми, 1974.
27. Бгажба Х. С. Труды. Книга вторая. Исследования и очерк. Сухуми, 1988.
28. Беловинский Л. В. К истории русской православной церкви. М., 1992.
29. Бердзенишвили Н. А. К вопросу о форме землевладения в феодальной Грузии // В работе автора «Вопросы истории Грузии». Книга III. Тбилиси, 1966.
30. Бердзенишвили Н. А. Вазират в феодальной Грузии // «Вопросы истории Грузии». Книга III.
31. Вайнштейн О. Л. История советской средневековедения (1917—1966), Ленинград, 1968.
32. Василевский В. Г. Труды. Т. IV. Ленинград, 1930.
33. Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми, 1977.
34. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Аписили. Сухуми, 1986.
35. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цebelды. Тбилиси, 1985.
36. Тагарин Г. Г. Родник русского искусства. Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры. СПб., 1897.

37. Гарнак А. Миссионерство и распространение христианства в первые века. Лейпциг, 1902.
38. Гафуров А. Г. Имя и история. Изд-во «Наука», М., 1987.
39. Георгика. I. — Сведения византийских писателей о Грузии. Т. I. Тексты с грузинским переводом издали и примечаниями снабдили А. Г. Гамкрелидзе и С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1961.
40. Георгика. III. — Сведения византийских писателей о Грузии. Греческие тексты с грузинским переводом издали и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1936.
41. Георгика. IV. (II). — Сведения византийских писателей о Грузии. Т. IV., Вып. II. Греческий текст с грузинским переводом издали и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1952.
42. Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриады // Нумизматический сборник памяти Д. Г. Капанадзе. Тбилиси, 1977.
43. Голенко К. В. Монеты из раскопок Анакопийской крепости 1957-1958 гг. // «Византийский временник» (журн.). Т. XXIV. М., 1964.
44. Грамматика осетинского языка. I. Орджоникидзе, 1963.
45. Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. (Социально-экономические и политические отношения). Сухум, 1989.
46. Дбар Д. Из истории Абхазского католикосата. М., 1997.
47. Две византийские хроники X в. М., 1959.
48. Дворник Ф. Миссии греческой и западной церкви на Востоке в средние века // Доклады XIII Международного конгресса в Москве. М., 1970.
49. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. II. Тбилиси, 1948.
50. Джанашиа Н. С. Религиозные верования абхазов // «Христианский Восток». (журн.). Т. IV. Петербург, 1915.
51. Джуаншер. Житие и деяния Вахтанга Горгасала // Картлис Цховреба. I.
52. Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных греческих надписях Закавказья // ВДИ. 1964, № 2.
53. Жузе П. Грузия в XVII столетии по изображению патриарха Макария. (Перевод и комментарий). Казань, 1905.
54. Зинин С. И. Очерки истории изучения русской антропонимии // Антропонимика, Ташкент, 1968.
55. Иисус. Его история по Евангелию от Луки // Новая жизнь. 2000. Москва.

56. Иеромонах Георгий. Житие Георгия Атонели // Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. II. Тбилиси, 1967.
57. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1975.
58. Исповедник Феофан. Хронография // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М. 1980.
59. Капанадзе Д. Г. Неизвестный вариант грузинской монеты XI в. // Труды АБИЯЛИ. Вып. XXX. Сухуми, 1959.
60. Картлис Цховреба. I. — История Грузии. Т. I. (Летописный свод). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955.
61. Каухчишвили С. Г. Лекции по истории Византии. Тбилиси, 1948.
62. Каухчишвили Т. С. Греческие надписи в Грузии. Тбилиси, 1951.
63. Каухчишвили Т. С. Греческие надписи пицундской мозаики // Сообщения Академии наук СССР Т. XVI. № 1. Тбилиси, 1955.
64. Каухчишвили Т. С. Эпиграфические надписи из Грузии // ВДИ. 1958, № 4.
65. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Эшерского городища. // Источниковедческие розыскания, 1982, Тбилиси, 1985.
66. Кекелидзе К. С. У истоков христианства Иберии // Этюды из древнегрузинской литературы. Т. III. Тбилиси, 1955.
67. Кецаба Б. К. К изучению абхазской антропонимии // Имя и этнос. М., 1996.
68. Коков Д. Н. Вопросы адыгейской (Черкесской) антропонимии. (Исследование и словарь личных имен). Нальчик. Изд-во «Эльбрус», 1973.
69. Кузьмина А. А. Современная персидская антропонимия. Личные имена. — М., 1985.
70. Кулаковский Ю. А. Где был построен императором Юстинианом храм для абазгов // Археологические заметки. Т. V. ч. II. М., 1897.
71. Кулаковский Г. А. Христианство у алан. // «Византийский временник», № 1. СПб, 1898.
72. Лакоба С. З., Шамба С. М. Кто такие абхазы? // «Советская Абхазия». (Газета). 1989 г., 8 июля.
73. Латышев В. В. Понтика. СПб. 1909.
74. Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологиче-

- ских статей, поднесенный графу А. Бобринскому. Санкт-Петербург, 1911.
75. Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского // Сборник аспирантов и научных сотрудников. I. № 25, Тбилиси, 1955.
76. Леквинадзе В. А. О древней базилике в Питиунте и ее мозаике // ВДИ, 1970. № 2.
77. Летопись византийца Феофана. (В переводе с греческого В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского). М., 1884.
78. Летопись Картли // Картлис Цховреба. I.
79. Лордкипанидзе Г. А., Кигурадзе Н. Ш., Тодуа Т. Т. Раннехристианская стела из Пицунды. // ВДИ, 1990. № 3.
80. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. IV.
81. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXII.
82. Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и алан св. Григорием. СПб., 1905.
83. Марр Н. Я. Из лингвистической поездки в Абхазию // О языке и истории абхазов.
84. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938.
85. Марр Н. Я. Сухум и Туапсе // О языке и истории абхазов.
86. Мацулевич Л. А. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // ВДИ, 1956, № 4.
87. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
88. Мровели Леонтий. Мученичество Арчила // Картлис Цховреба. I.
89. Мровели Леонтий. Повесть о царях // Картлис Цховреба. I.
90. Мурзакевич М. Древнейший Пицундский православный храм на восточном берегу Черного моря. Одесса, 1877.
91. Натухайский В. Согдемские скалы и еврейское общество в горах Абхазии. «Пантеон», 1852, № 1.
92. Никонов В. А. Имя и общество. Изд-во «Наука», М., 1974.
93. Орынянский А., Фадеев А. Путеводитель по Абхазии. Сухум, 1932.
94. Отхмезури Т. К. Грузинские эпиграфические памятники // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985.
95. Памятники древнегрузинской эпиграфической литературы. Кн. I. (V — X вв.). Тбилиси, 1963.
96. Памятники византийской литературы IX — XIV вв. М., 1969.
97. Патаридзе Р. М. Грузинское письмо «Аасомтаврული». Тбилиси, 1980.
98. Пахомова С. Н. Русские составные личные имена донационального периода. Одесса, 1984.
99. Пачулиа В. П. Новый Афон. Сухуми, 1973.

100. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод с греческого С. П. Кондратьева. Вступительная статья. З. В. Удальцевой. М. 1950.
101. Ростовцев М. Надпись из Сухума // Записки Императорского Одесского общества истории и древности. Т. XXII. Одесса, 1907.
102. Рудаков А. История христианской православной церкви. СПб., 1956.
103. Сабинин М. П. История грузинской церкви до конца VI в. СПб., 1877.
104. Сабинин М. П. Полное жизнеописание святых Грузинской церкви. Ч. I — II. М., 1894.
105. Сельвина Р. А. Калмыцкие личные имена // Этническая ономастика. «Наука». М., 1984.
106. Соловьев Л. Н. Надписи и изображения грота Агца у сел. Анухва-Абхазская // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л. 1960. № 79.
107. Тарнава М. И. Краткий очерк истории Абхазской церкви. Сухум, 1917.
108. Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957 — 1958 гг. // Труды АБИЯЛИ, XXX. Тбилиси, 1959.
109. Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960-1962 гг. // Труды АБИЯЛИ. Т. XXIII-XXXIV. Сухуми, 1963.
110. Трапш М. М. Средневековая Анакопия // Труды автора. Т. IV. Сухуми, 1975.
111. Трапш М. М. О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда Сухумского района // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXII., Сухуми, 1961.
112. Уварова П. Христианские памятники Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М. 1894.
113. Услар П. К. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II, отд. I. Тифлис, 1869.
114. Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен. Изд-во МГУ. М., 1969.
115. Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Т. V., Сухуми, 1937.
116. Фрейберг Л. А. Византийская эпическая поэма // Памятники византийской литературы. IX — XIV вв. М., 1969.
117. Фролов Г. Как появилась магическая семерка // Атеистические чтения. Вып. IV. М. 1970.

118. Хрушкова Л. Г. Цандрипш. Сухуми, 1985.
119. Хрушкова Л. Г. Древняя печать из Нового Афона // «Советская Абхазия». (газ.). 1976 г. 22 сентября.
120. Хрушкова Л. Г. Римская традиция и раннехристианские памятники Колхиды. (Рукопись).
121. Хрушкова Л. Г. Моливдовул из Анакопии // Известия АБИЯЛИ. V. 1976.
122. Хрушкова Л. Г. О религиозных верованиях абхазов (IV — VII вв.) // Известия АБИЯЛИ. Вып. XII. Тбилиси, 1983.
123. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. (V — X вв.). Тбилиси, 1980.
124. Хрушкова Л. Г. Новая октогональная церковь в Севастополисе в Абхазии и ее литургическое устройство // Труды XVIII конгресса византинистов и другие материалы, посвященные памяти Иоанна Мейендорфа. С-Пб., 1995.
125. Цицишвили И. Комплекс церковных сооружений в Пицунде. Тбилиси, 1975.
126. Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии // Этнография Тимен. М., 1971.
127. Чачхалиа Д. К. Абхазская православная церковь. Хроника. Прибавления. М., 1997.
128. Чочуа А. М. Собрание сочинений. Т. III. Сухуми, 1976.
129. Чубинишвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство // Тбилиси, 1957.
130. Чубинишвили Г. Н. Бедийская золотая чаша // Вестник музея Грузии. Т. X. Тбилиси, 1940.
131. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980.
132. Шервашидзе Л. А. Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
133. Шмерлинг Р. О. К вопросу о датировке росписи храма Бедиа // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Т. XVIII, № 4. Тбилиси, 1957.
134. Эклога. Византийский законодательный свод VII вв. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Дипшиц. М., 1965.
135. Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. К истории раннего христианства в Абхазии	4
ГЛАВА II. Раннесредневековые эпиграфические памятники Абхазии и христианство	51
ГЛАВА III. Раннесредневековая антропонимия абхазов и ее этно-культурные аспекты	74
Использованная литература	116

10

Георгий Александрович Амичба

Культура и идеология раннесредневековой

Абхазии (V-X вв.)

Редактор Алексеева Т. Ю.
Технический редактор Евменов Л. И.

Формат 84x108¹/₃₂. Тираж 500. Физ. печ. л. 3,88
Усл. печ. л. 6,51. Заказ № 438. Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение РА
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

